

Висенте Бласко-Ибаньес

# Обнаженная



# Висенте Бласко-Ибаньес

## Обнаженная

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=3167415](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3167415)

### Аннотация

«Было одиннадцать часовъ утра, когда Маріано Реновалесь подошелъ къ музею Прадо. Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый художникъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Не мертвые привлекали его сюда. Они были, конечно, очень интересны и достойны уваженія подъ славнымъ вѣнцомъ многихъ вѣковъ, но искусство шло теперь по новымъ путямъ; Реновалесь не могъ учиться здѣсь у мертвыхъ, при освѣщеніи со стекляннаго потолка, глядя на дѣйствительность глазами людей съ инымъ темпераментомъ, чѣмъ у него. Ключекъ моря, уголокъ на склонѣ горы, группа оборванцевъ, выразительная головка привлекали Реновалеса больше, чѣмъ этотъ дворецъ съ широкими лѣстницами, бѣлыми колоннами и статуями изъ бронзы и алебаstra – величественный пантеонъ искусства, гдѣ постоянно переживали муки колебаній молодые художники, находясь въ состояніи самой бесплодной нерѣшимости и не зная, какой путь имъ избрать...»

*Произведение дается в дореформенном алфавите.*

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Часть первая                      | 4   |
| I                                 | 4   |
| II                                | 33  |
| III                               | 73  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 107 |

# Висенте Бласко Ибаньесъ

## Обнаженная

### Часть первая

#### I

Было одиннадцать часовъ утра, когда Маріано Реновалесъ подошелъ къ музею Прадо. Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый художникъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Не мертвые привлекали его сюда. Они были, конечно, очень интересны и достойны уваженія подѣ славнымъ вѣнцомъ многихъ вѣковъ, но искусство шло теперь по новымъ путямъ; Реновалесъ не могъ учиться здѣсь у мертвыхъ, при освѣщеніи со стекляннаго потолка, глядя на дѣйствительность глазами людей съ инымъ темпераментомъ, чѣмъ у него. Ключекъ моря, уголокъ на склонѣ горы, группа оборванцевъ, выразительная головка привлекали Реновалеса больше, чѣмъ этотъ дворецъ съ широкими лѣстницами, бѣлыми колоннами и статуями изъ бронзы и алебаstra – величественный пантеонъ искусства, гдѣ постоянно переживали муки колебаній молодые художники, находясь въ состояніи самой бесплодной нерѣшимости и не зная, какой путь

имъ избрать.

Маэстро Реновалесь остановился на минуту внизу у лѣстницы. Онъ глядѣль нѣсколько взволнованно на ведущій ко дворцу спускъ, поросшій свѣжимъ дерномъ и украшенный рѣдкими, тощими деревьями; такъ глядятъ послѣ долгаго отсутствія на родныя мѣста, гдѣ протекла молодость. Надъ этимъ спускомъ высилась древняя готическая церковь де-лосъ-Херонимось, выдѣляясь на голубомъ фонѣ неба своими двумя башнями и ветхими аркадами. Зимній пейзажъ парка Ретиро служилъ фономъ для бѣлой массы музея. Реновалесь вспомнилъ фрески Джіордано, украшавшія внутренность музея. Затѣмъ онъ перевелъ взглядъ на зданіе съ красными стѣнами и каменнымъ входомъ, которое претенціозно замыкало горизонтъ на первомъ планѣ, на краю зеленаго откоса. Фу! Академія! Презрительный жестъ художника соединилъ во едино Академію языка со всѣми остальными; живопись, литература и всѣ проявленія мысли были связаны, здѣсь, словно неподвижныя муміи, узами традицій, правилъ и уваженія къ старинѣ.

Налетѣвшій порывъ ледяного вѣтра развѣялъ длинную и слегка посѣдѣвшую бороду художника и чуть не унесъ его большую фетровую шляпу, изъ подъ которой торчали прядки волосъ; въ молодости эти волосы были скандальной длины, но по мѣрѣ того, какъ росли слава и богатство маэстро, волосы его постепенно укорачивались подъ напоромъ благопристойности.

Реновалесу стало холодно въ этомъ низкомъ и сыромъ мѣстѣ. День былъ ясный и очень холодный, какихъ бываетъ много зимою въ Мадридѣ. Солнце сіяло, небо было голубое, но съ покрытыхъ снѣгомъ горъ дулъ холодный вѣтеръ, который леденилъ землю, придавая ей хрупкость стекла. Въ тѣнистыхъ углахъ, куда не проникали теплые лучи солнца, блестя еще утренній иней, словно сахарный покровъ. Воробы, ослабѣвшіе отъ зимнихъ лишеній, попрыгивали по заиндевѣвшему мху, какъ озябшія дѣтки, и отряхивали свои жалкія перышки.

Лѣстница музея напомнила маэстро годы его отрочества. Много разъ поднимался онъ по этимъ ступенямъ, когда ему было шестнадцать лѣтъ, и желудокъ его былъ испорченъ скверными обѣдами у квартирныхъ хозяекъ. Сколько разъ сидѣлъ онъ по утрамъ въ этомъ огромномъ дворцѣ, копируя картины Веласкеса. Эти мѣста вызывали въ его памяти угасшія надежды, цѣлый рой иллюзій, казавшихся ему теперь смѣшными, и тяжелыя воспоминанія о томъ, какъ онъ голодалъ и унижительно торговался, зарабатывая первыя деньги продажей копій съ извѣстныхъ картинъ. Его широкое, полное лицо съ крупными бровями, при видѣ которыхъ робѣли его ученики и поклонники, озарилось веселою улыбкою. Онъ вспоминалъ, какъ являлся тогда въ музей медленною походкою и не отходилъ ни на шагъ отъ мольберта, боясь, какъ бы окружающіе не замѣтили, что подошвы его отстаютъ отъ сапогъ.

Реновалесь прошель черезъ вестибюль и открыль первую стеклянную дверь. Стукъ колесъ по аллеѣ Прадо, звонки трамваевъ, глухой скрипъ колесъ, крики ребятишекъ, бѣгавшихъ по склонамъ вокругъ музея, однимъ словомъ, весь шумъ внѣшняго міра сразу прекратился. Реновалесь открыль вторую дверь, и лицо его, зазябшее на улицѣ, почувствовало ласку теплой атмосферы, полной необъяснимаго жужжанія тишины. Шаги посѣтителей отдавались здѣсь гулкимъ эхомъ, какъ во всѣхъ крупныхъ необитаемыхъ зданіяхъ. Стукъ захлопывавшейся двери гремѣлъ, словно пушечный ударъ, прокатываясь по заламъ сквозь тяжелыя драпировки. Отдушины, прикрытыя тонкими рѣшетками, выпускали въ залу свое невидимое дыханіе. Входя въ музей, публика инстинктивно понижала голосъ, словно въ соборѣ, и глядѣла съ пугливымъ благоговѣніемъ, какъ будто ей внушали страхъ тысячи картинъ на стѣнахъ и огромныя бюсты, украшавшіе ротонду и середину главнаго зала.

При видѣ Реновалеса два сторожа въ форменныхъ сюртукахъ вскочили на ноги. Они не знали, кто это, но сразу поняли, что это персона. Лицо Реновалеса было знакомо имъ не то по газетамъ, не то по коробкамъ спичекъ, и соединялось въ ихъ умѣ съ большою популярностью и высокими почестями, воздаваемыми лишь выдающимся людямъ. Но они вскорѣ узнали маэстро. Столько лѣтъ не видали его уже въ музеѣ! И держа въ рукахъ шапки съ золотыми галунами, сторожа съ почтительною улыбкою сдѣлали нѣсколько-

ко шаговъ навстрѣчу великому художнику. — «Здравствуйте, донъ Маріано. Не угодно ли вамъ что-нибудь, сеньоръ де-Реновалесь? Не прикажете ли позвать сеньора директора?» — Это была преувеличенная почтительность, что-то похожее на смущеніе придворныхъ, узнавшихъ, несмотря на инкогнито, иностраннаго монарха, который неожиданно входитъ во дворецъ ихъ повелителя.

Реновалесь отдѣлался отъ нихъ рѣзкимъ движеніемъ. Быстрый взглядъ его скользнулъ по большимъ, декоративнымъ картинамъ ротонды, изображавшимъ войны XVII вѣка: генералы съ торчащими усами, въ шляпахъ съ перьями, командовали на полѣ сраженія коротенькой палочкой, словно дирижировали оркестромъ; отряды мушкетеровъ исчезали со знаменами на склонѣ горы; цѣлые лѣса копій выглядывали изъ дыма; фонъ картины составляли зеленые луга Фландріи. Эти громкія и бесплодныя сраженія были смертельной агоніей той Испаніи, которая пользовалась міровымъ вліяніемъ. Реновалесь приподнялъ тяжелую драпировку и вошелъ въ огромный средній залъ. Публика, находившаяся въ концѣ зала, выглядѣла при матовомъ и мягкомъ освѣщеніи, словно кукольныя фигурки.

Художникъ шелъ впередъ, еле глядя на картины; онѣ были для него старыми знакомыми, которые не могли сказать ему ровно ничего новаго. Взоръ его скользилъ по публикѣ, не находя въ ней тоже ничего новаго. Казалось, что она составляла необходимую принадлежность музея и не мѣнялась



здѣсь уже много лѣтъ. Тутъ были добродушные отцы семейства, объяснявшіе своимъ многочисленнымъ ребятамъ содержание картинъ, учительница съ нѣсколькими застѣнчивыми и молчаливыми ученицами, которыя проходили, не глядя, мимо полуобнаженныхъ святыхъ, покоряясь приказу свыше, какой-то господинъ съ двумя священниками, громогласно объяснявшій имъ картины, чтобы показать, что онъ знаетъ въ нихъ толкъ и чувствуетъ себя въ музеѣ, какъ дома, нѣсколько иностранокъ съ поднятой вуалью и съ пальто на рукѣ, перелистывавшихъ каталогъ. У всѣхъ былъ знакомый ему видъ, и всѣ настолько стереотипно выражали свой восторгъ и восхищеніе, что Реновалесу невольно пришла въ голову мысль, не та ли это публика, которую онъ видѣлъ въ послѣдній разъ въ музеѣ.

Проходя по музею, онъ мысленно привѣтствовалъ великихъ маэстро. Съ одной стороны висѣли картины Греко, изображавшія стройныхъ святыхъ, неясные контуры которыхъ на зеленовато-лазорево́мъ фонѣ придавали имъ одухотворенный, неземной видъ, далѣе, морщинистыя и смуглыя головы Рибера съ выраженіемъ ужасныхъ страданій и боли. Реновалесъ восхищался этими выдающимися художниками, но держался твердаго рѣшенія никогда и ни въ чемъ не подражать имъ. Далѣе между шнуромъ передъ картинами, и рядомъ витринъ, бюстовъ и мраморныхъ столиковъ на ножкахъ въ видѣ золоченыхъ львовъ онъ натолкнулся на мольберты нѣсколькихъ художниковъ, копировавшихъ кар-

тины Мурильо, Это были все ученики Академіи Художествъ или барышни въ скромныхъ платьяхъ стоптанныхъ башмакахъ и старыхъ шляпкахъ. На полотнѣ передъ ними намѣчались голубые плащи Пресвятой Дѣвы и пухлыя фигурки кудрявыхъ ребятишекъ, игравшихъ съ Божественнымъ Агнцемъ. Эти копіи писались на заказъ для благочестивыхъ людей или имѣли хорошій сбытъ въ монастыри и часовни. Работа вѣковъ, дымъ свѣчей и полумракъ въ святыхъ мѣстахъ заставляли всегда скоро тускнѣть яркія краски этихъ картинъ, и легко можетъ статься, что полные слезъ глаза молящихся увидятъ когда-нибудь, что божественныя фигуры оживутъ таинственною жизнью на черномъ фонѣ картинъ, и люди будутъ молить ихъ о сверхъестественныхъ чудесахъ.

Маэстро направился въ залъ Веласкеса. Тамъ работалъ его другъ Текли. Реновалесъ явился въ музей съ исключительною цѣлью посмотрѣть копію, которую венгерскій художникъ писалъ съ картины Las Meninas<sup>1</sup>.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, когда Реновалесу доложили въ его роскошной мастерской о приходѣ художника, онъ нѣкоторое время сидѣлъ въ недоумѣніи, глядя на поданную ему визитную карточку. Текли!.. Но вскорѣ онъ вспомнилъ одного пріятеля, съ которымъ часто видѣлся, когда жилъ въ Римѣ двадцать лѣтъ тому назадъ. Этотъ добродушный венгерецъ былъ его искреннимъ поклонникомъ; онъ не об-

---

<sup>1</sup> Las Meninas (Придворныя дамы) – одна изъ лучшихъ картинъ Веласкеса.

ладаль большимъ талантомъ и замѣнялъ его молчаливымъ упорствомъ въ трудѣ, словно рабочая скотина.

Реновалесь съ удовольствіемъ увидалъ снова голубые глаза пріятеля подъ рѣдкими, шелковистыми бровями, его выдающуюся въ видѣ лопаты нижнюю челюсть, придававшую ему сходство съ австрійскими монархами, и высокую фигуру, склонившуюся отъ волненія и протягивавшую ему костлявыя руки, длинныя, словно щупальцы.

— О, maestro, caro maestro! — привѣтствовалъ онъ Реновалеса по-итальянски.

Бѣдному Текли пришлось прибѣгнуть къ профессорской карьерѣ, какъ всѣмъ малоталантливымъ художникамъ, у которыхъ нѣтъ силъ заниматься чистымъ искусствомъ. Реновалесь увидалъ чиновника — артиста въ темномъ, строгомъ сюртукѣ безъ единой пылинки; достойный взглядъ его устремлялся изрѣдка на блестящіе сапоги, въ которыхъ отражалась, казалось, вся мастерская. Въ петлицѣ его красовалась даже разноцвѣтная розетка какого-то ордена. Одна только фетровая бѣлоснѣжная шляпа не гармонировала со строгимъ видомъ государственнаго чиновника. Реновалесь съ искреннею радостью схватилъ протянутыя руки. Такъ это знаменитый Текли! Какъ онъ радъ повидать стараго пріятеля! Какъ чудно имъ жилось въ Римѣ!.. И Реновалесь сталъ слушать съ добродушною улыбкою превосходства разсказъ о его жизненныхъ успѣхахъ. Текли былъ профессоромъ въ Будапештѣ и постоянно копилъ деньги, чтобы поѣхать учиться

въ какой-нибудь знаменитый музей Европы. Въ концѣ концовъ долготѣнія мечты его увѣнчались успѣхомъ, и ему удалось пріѣхать въ Испанію.

— О, Веласкесъ! Какой это великій художникъ, дорогой Маріано!

И откидывая назадъ голову, Текли закатываль глаза кверху и чмокаль съ наслажденіемъ губами, словно потягиваль стаканчикъ сладкаго токайскаго вина своей родины.

Онъ жилъ уже цѣлый мѣсяцъ въ Мадридѣ, работая каждое утро въ музеѣ. Копія его съ Las Meninas была почти окончена. Онъ не ходилъ раньше къ дорогому Маріано, потому что хотѣль сразу показать ему свою работу.

Не придетъ ли Маріано какъ-нибудь утромъ къ нему въ Прадо? Старый товарищъ, навѣрно, не откажетъ ему въ этомъ доказательствѣ своей дружбы... Реновалесъ попробоваль было отказываться. Что ему за дѣло до какой-то копіи? Но въ маленькихъ глазкахъ венгерца свѣтилась такая робкая мольба, и онъ осыпаль великаго маэстро такими похвалами, рассказывая подробно объ огромномъ успѣхѣ, который имѣла картина Реновалеса Человѣкъ за бортомъ! на послѣдней выставкѣ въ Будапештѣ, что тотъ обѣщаль навѣститъ пріятеля въ музеѣ.

И черезъ нѣсколько дней утромъ, когда одинъ господинъ, съ котораго онъ писалъ портретъ, не могъ явиться на обычный сеансъ, Реновалесъ вспомнилъ данное Текли обѣщаніе и отправилъся въ Прадо. Когда онъ вошелъ въ музей, имъ

овладѣло чувство какой-то подавленности и тоски по былымъ годамъ, словно у бывшаго студента, который приходитъ въ университетъ, гдѣ протекла его молодость.

Очувившись въ залѣ Веласкеса, онъ почувствовалъ приступъ религіознаго благоговѣнія. Передъ нимъ былъ художникъ въ истинномъ смыслѣ слова. Всѣ непочтительныя теоріи Реновалеса о мертвыхъ остались за дверью залы. Отъ картинъ Веласкеса, которыхъ онъ не видалъ уже нѣскольکو лѣтъ, снова повѣяло свѣжимъ, сильнымъ, неотразимымъ обаяніемъ, вызвавшимъ у него угрызенія совѣсти. Онъ долгое время стоялъ неподвижно, переводя глаза съ одной стороны на другую, словно желая охватить сразу все творчество безсмертнаго художника, а вокругъ маэстро начинался уже шопотъ любопытныхъ:

— Реновалесь! Реновалесь здѣсь!

Вѣсть эта распространилась отъ входныхъ дверей по всему музею и прослѣдовала за художникомъ до зала Веласкеса. Группы любопытныхъ отрывались отъ картинъ и глазѣли на этого рослаго, погруженнаго въ свои думы человѣка, который, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета въ вызываемомъ его появленіемъ любопытствѣ. Дамы переходили отъ одной картины къ другой и слѣдили однимъ глазкомъ за знаменитымъ маэстро, портретъ котораго онѣ видали много разъ. Не вѣрилось какъ-то, чтобы этотъ крупный дѣтина былъ талантливымъ художникомъ и такъ хорошо писалъ дамскіе портреты. Нѣсколько молодыхъ людей подошли къ нему почти

вплотную, чтобы поглядѣть на великаго человѣка вблизи, и дѣлали видъ, что разсматриваютъ тѣ же картины, что онъ. Они изучали его внѣшность во всѣхъ подробностяхъ подъ вліяніемъ ученической страсти подражать великимъ маэстро во всемъ. Одинъ изъ нихъ рѣшилъ завязывать галстухъ и отпустить длинные волосы, какъ у Реновалеса, лстя себя тщетною надеждою, что это разовьетъ его способности къ живописи. Другіе досадовали мысленно на отсутствіе на ихъ лицѣ растительности и не возможность отпустить себѣ сѣдую и кудрявую бороду, какъ у знаменитаго маэстро.

Реновалесь скоро замѣтилъ окружавшую его среду любопытства. Молодые художники, копировавшіе картины, ниже склонились надъ мольбертами, хмурясь и водя кистью медленно и неувѣренно, такъ какъ позади нихъ проходилъ великій маэстро. Новые, приближающіеся шаги заставляли ихъ каждый разъ вздрагивать отъ страха и горячаго желанія, чтобы онъ бросилъ взглядъ на ихъ работу. Реновалесь догадывался съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости о томъ, что шептали эти губы, что говорили эти глаза, то разсѣянно поглядывавшіе на полотно, то внимательно устремлявшіеся на него.

— Это Реновалесь... Художникъ Реновалесь.

Маэстро долго глядѣлъ на самаго стараго изъ копировщиковъ; это былъ дряхлый и почти слѣпой старикъ съ большими выпуклыми очками, придававшими ему видъ морского чудовища; руки его дрожали отъ старости. Реновалесь зналъ этого человѣка. Онъ видалъ его двадцать пять лѣтъ тому на-

зять, когда самъ еще учился въ музеѣ; копировщикъ сидѣлъ и тогда на этомъ мѣстѣ и писалъ неизмѣнно копію съ картины Веласкеса Los Borrachos<sup>2</sup>. Если-бы даже онъ ослѣпъ окончательно или картина исчезла, онъ смогъ бы нарисовать ее ошупью. Реновалесь часто разговаривалъ съ нимъ въ тѣ давнія времена, но бѣдняга, конечно, не имѣлъ теперь ни малѣйшаго понятія о томъ, что знаменитый Реновалесь, слава котораго гремѣла на весь міръ, былъ тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ, который не разъ просилъ въ тѣ отдаленныя времена одолжить ему кисть; воспоминаніе объ этомъ молодомъ человѣкѣ даже едва ли сохранилось въ его памяти, окаменѣвшей отъ неподвижности. Реновалесу невольно пришла въ голову мысль о несравненной добротѣ дороднаго Бахуса и его пьяныхъ придворныхъ; эти важныя персоны на картинѣ Веласкеса давали средства къ жизни бѣдному копировальщику, а можетъ-быть и его семьѣ – старой подругѣ жизни, женатымъ дѣтямъ, и внукамъ, которыхъ старикъ содержалъ трудомъ своихъ дрожащихъ рукъ.

Кто-то шепнулъ ему на ухо вѣсть, волновавшую весь музей, и, пожавъ плечами съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, бѣдняга оторвалъ отъ рабобы свое изможденное лицо.

Значить, Реновалесь здѣсь, знаменитый Реновалесь! Ну, что же, посмотримъ наконецъ эту знаменитость, это чудо!

И онъ устремилъ на маэстро огромные, словно у чудовищной рыбы, глаза, въ которыхъ сверкалъ за большими очка-

---

<sup>2</sup> Los Borrachos – пьяные. Примѣч. перев.

ми огонекъ ироніи. «Форсунъ!» Ему приходилось не разъ слышать о роскошной мастерской въ чудномъ дворцѣ, который выстроилъ себѣ Реновалесъ позади парка Ретиро. Всѣ эти богатства были отняты Реновалесомъ, по мнѣнію старика, у такихъ бѣдняковъ, какъ онъ, лишенныхъ протекціи и отставшихъ отъ удачниковъ на жизненномъ пути. Реновалесъ бралъ за картину по нѣскольکو тысячъ дуросовъ, тогда какъ Веласкесъ работалъ за три песеты въ день, а Гойа писалъ портреты за пару onzas<sup>3</sup>. Все это было сплошнымъ враньемъ. Модернизмъ былъ въ глазахъ старика лишь дерзкимъ порывомъ молодежи, для которой нѣтъ ничего святого, и проявленіемъ полного невѣжества въ искусствѣ со стороны разныхъ дураковъ, вѣрящихъ газетнымъ толкамъ. Единственное, что было хорошаго въ искусствѣ, находилось здѣсь въ музеѣ. И старикъ снова презрительно пожалъ плечами; ироническій огонекъ въ его глазахъ потухъ, и онъ опять сосредоточилъ все свое вниманіе на тысячной копіи съ Los Borrachos.

Видя, что любопытство вокругъ него затихаетъ, Реновалесъ вошелъ въ малый залъ, гдѣ находилась картина Las Meninas. У этой знаменитой картины, занимавшей всю заднюю стѣну зала, сидѣлъ передъ мольбертомъ Текли; бѣлая шляпа его была сдвинута на затылокъ, чтобы дать полную свободу пульсациі на лбу, нахмуренномъ отъ упорнаго напряженія.

При видѣ Реновалеса онъ поспѣшно всталъ и положилъ

---

<sup>3</sup> Onza – золотая монета въ 80 песеть. Прим. перев.



палитру на кусокъ клеенки, защищавшій паркетъ отъ пятенъ краски. Дорогой маэстро! Какъ благодарень онъ ему за приходъ!.. И Текли показали ему свою копію; она отличалась точностью во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, но чудной жизненности и реальности оригинала въ ней не было совершенно. Реновалесь одобрительно покачалъ головою, удивляясь терпѣливому и упорному труду этой кроткой, рабочей скотины, которая бороздила почву всегда одинаково ровно, съ геометрическою точностью, но безъ малѣйшаго намека на оригинальность.

– Тебѣ нравится? – съ тревогою спрашивалъ Текли по-итальянски, заглядывая Реновалесу въ глаза и стараясь отгадать его мысли. – Неправда-ли? Неправда-ли? – спрашивалъ онъ съ неувѣренностью ребенка, который предчувствуетъ обманъ.

Но успокоенный внѣшнимъ одобреніемъ Реновалеса, который искусственно преувеличивалъ его, чтобы скрыть свое равнодушіе, венгерецъ схватилъ маэстро за обѣ руки и прижалъ ихъ къ своей груди.

– Я радъ, маэстро... Я очень радъ.

Онъ не отпускалъ теперь Реновалеса отъ себя. Разъ знаменитый художникъ великодушно согласился посмотреть его копію, онъ не могъ отпустить его такъ легко. Они должны были непременно позавтракать вмѣстѣ въ отелѣ, гдѣ жилъ Текли, распить бутылочку Chianti въ память совмѣстной жизни въ Римѣ и поговорить о веселой божемѣ молодости и о то-

варищахъ разныхъ національностей, которые собирались въ кафе Греко; одни изъ нихъ умерли уже, а остальные разсѣялись по Европѣ и Америкѣ; меньшинство достигло знаменитости, а большинство прозябало на родинѣ въ школахъ живописи, мечтая создать великую картину, которую обыкновенно опережала смерть.

Реновалесь уступилъ въ концѣ концовъ настойчивымъ просьбамъ венгерца, который пожималъ ему руки съ драматическимъ видомъ, какъ будто отказъ маэстро могъ убить его. Ладно, выпьемъ Chianti и позавтракаемъ вмѣстѣ! А пока Текли кончаетъ свою работу на этотъ день, онъ, Реновалесь, пройдетъ по музею и освѣжитъ въ памяти старыя воспоминанія.

Когда Реновалесь вернулся въ залъ Веласкеса, публики въ немъ уже не было. Одни копировщики сидѣли, склонившись надъ полотномъ. Реновалесь снова почувствовалъ обаяніе великаго маэстро. Картины привели его въ восторгъ, но глубокая грусть, которою вѣяло отъ всего творчества Веласкеса, не ускользнула отъ глазъ художника. Несчастный донъ Діего! Онъ родился въ самый печальный періодъ нашей исторіи. Его здравый реализмъ долженъ былъ обезсмертить человѣческія формы во всей ихъ прекрасной наготѣ, а судьба забросила его въ такой вѣкъ, когда женщины были похожи на черепахъ, и грудь ихъ была скрыта подъ двойною броней пышныхъ косынокъ, а мужчины держались чопорно, словно священнослужители, и ихъ смуглыя и скверно вымытыя головы

гордо смотрѣли надъ мрачнымъ нарядомъ. Веласкесъ писалъ свои картины съ того, что видѣлъ: въ глазахъ этого міра отражались страхъ и лицемѣріе. Искусственная веселость умирающей націи, которая ищетъ развлеченій въ чудовищномъ и негармоничномъ, выражалась въ увѣковѣченныхъ дономъ Діего шутахъ, сумасшедшихъ и калѣкахъ. Ото всѣхъ этихъ чудныхъ произведеній, внушавшихъ одновременно восторгъ и грусть, вѣяло ипохондріей физически-больной монархіи съ душою, связанною страхомъ и ужасомъ передъ муками ада. Какъ жаль, что великій художественный талантъ ушелъ на увѣковѣченіе періода, который погрузился бы безъ Веласкеса въ глубокое забвеніе!

Реновалесъ думалъ о немъ и какъ о человѣкѣ; сравненіе скромной жизни великаго художника съ княжескимъ существованіемъ современныхъ маэстро вызывало у него угрызения совѣсти. О, щедрость королей и покровительство ихъ искусству, о которыхъ многіе говорятъ съ такимъ восторгомъ, оглядываясь на былые вѣка! Реновалесъ думалъ о флегматичномъ донѣ Діего и его жалованьѣ въ три песеты, которое тотъ получалъ всегда съ задержкой въ качествѣ придворнаго художника, о его славномъ имени, фигурировавшемъ въ спискахъ придворнаго персонала среди шутовъ и парикмахеровъ, о званіи королевскаго слуги, которое заставляло его заниматься экспертизой строительныхъ матеріаловъ ради хотя бы частичнаго улучшенія своего положенія, объ ужасныхъ униженіяхъ въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ добивалъ-

ся ордена Святого Іакова и отрицать передъ Совѣтомъ Орденъ, что онъ получаетъ деньги за свои картины, словно это было преступленіемъ, утверждая съ подобострастною гордостью, что онъ слуга короля, какъ будто эта должность была выше званія художника... Какъ счастливо живетъ сравнительно съ этимъ въ наши времена! Да будетъ благословенна революція въ современной жизни, облагородившая художника и поставившая его подъ покровительство публики — безличнаго властелина, который предоставляетъ создателю красоты полную свободу и слѣдуетъ за нимъ въ концѣ концовъ по новымъ путямъ! Реновалесь поднялся въ центральную галерею, чтобы взглянуть на другой предметъ своего восхищенія. Картины Гойа заполняли большое пространство на обѣихъ стѣнахъ галереи. Съ одной стороны висѣли портреты королей бурбонской династіи изъ періода упадка ея; тутъ были головы монарховъ и принцевъ крови подъ тяжелыми бѣлыми париками и портреты женщинъ съ пронизывающимъ взглядомъ, безкровными лицами и прическами въ видѣ башенъ. Жизнь обоихъ великихъ художниковъ — Гойи и Веласкеса совпала съ нравственнымъ упадкомъ двухъ династій. Залъ великаго Діега былъ полонъ стройныхъ, костлявыхъ блондиновъ, съ монастырски-изящною внѣшностью и болѣзненною блѣдностью, съ выступающею нижнею челюстью и выраженіемъ страха и сомнѣнія за спасеніе своихъ душъ. Здѣсь въ галереѣ красовались портреты тучныхъ и заплывшихъ жиромъ монарховъ съ огромными вытянуты-

ми носами, которые, казалось, были связаны таинственнымъ образомъ съ мозгомъ и тянули его внизъ, парализуя его работу; толстыя нижнія губы ихъ некрасиво отвисали, свидѣтельствуя о чувственномъ темпераментѣ и бездѣятельномъ образѣ жизни; глаза свѣтились животнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ ко всему, что не затрагивало непосредственно узкаго эгоизма. Монархи австрійской династіи, нервные, одержимые лихорадкой безумія, ищущіе чего-то, скакали на театральныхъ коняхъ, на фонѣ мрачныхъ пейзажей, замыкавшихся на горизонтѣ снѣжными вершинами Гуадаррамы, печальными, холодными и неподвижными, какъ душа испанскаго народа. Бурбоны, спокойные и жирные, стояли съ сытымъ видомъ, думая лишь о предстоящей охотѣ или о домашнихъ интригахъ, которыя приводятъ къ ссорамъ и сварамъ въ семьѣ, и не замѣчая бурь, свирѣпствующихъ за Пиринеями. Первые были окружены міромъ идіотовъ съ животными лицами, мрачныхъ крючкотворовъ и инфантъ въ пышныхъ нарядахъ съ ребяческими фізіономіями, словно у фигуръ Богородицы на алтарѣ. Вторые находились въ веселомъ и славномъ обществѣ народа, одѣтаго въ яркіе цвѣта — въ красныя суконныя плащи и кружевныя мантильи; волосы женщинъ сдерживались красивыми гребенками, головы мужчинъ были покрыты шапками; въ грубыхъ развлеченіяхъ и пирушкахъ развивался и созрѣвалъ героизмъ этого народа. Вторженіе чужестранцевъ расшевелило испанскій народъ и заставило его выйти изъ періода дѣтства. Тотъ самый ве-

ликій художникъ, который изображалъ въ теченіе многихъ лѣтъ невинно безсознательную жизнь щегольского народа, веселаго и наряднаго, словно хоръ въ опереткѣ, писалъ его въ послѣдствіи съ навахами въ рукахъ, атакующимъ съ необычайною ловкостью дикихъ мамелюковъ, растаптывающимъ этихъ египетскихъ центавровъ, закоснѣвшихъ въ сотнѣ сраженій, умирающимъ съ театральною гордостью при тускломъ свѣтѣ фонаря въ мрачныхъ стѣнахъ Монклоа подъ ружейнымъ огнемъ палачей — завоевателей.

Реновалесь не могъ оторвать глазъ отъ трагическаго духа, которымъ вѣяло отъ послѣдней картины. Лица палачей, прижатые къ прикладамъ ружей не были видны; солдаты были слѣпыми исполнителями судьбы, безъимянною силою. А противъ нихъ возвышалась груда окровавленныхъ и бьющихся въ агоніи человѣческихъ тѣлъ. Въ тѣлахъ мертвыхъ виднѣлись красныя дырки, окруженныя кусками мяса, вырваннаго пулями; живые стояли, скрестивъ руки на груди и бросая убійцамъ вызовъ на языкѣ, котораго тѣ не могли понять, или покрывъ лицо руками, какъ-будто это инстинктивное движеніе могло предохранить ихъ отъ пуль. Цѣлый народъ умиралъ здѣсь, чтобы возродиться вновь. А рядомъ съ этою ужасною и геройскою картиною скакалъ на другой сосѣдней картинѣ Палафоксъ Сарагосскій съ изящными бакенбардами и заливчатскимъ видомъ, въ формѣ генераль капитана; онъ напоминалъ чѣмъ-то народнаго вожака; одна его рука была въ перчаткѣ и держала кривую саблю, другая сжи-

мала поводья маленькой, пузатой лошади.

Реновалесу пришло въ голову, что искусство, подобно свѣту, принимаетъ окраску и блескъ тѣхъ предметовъ, съ которыми соприкасается. Жизнь Гойи припала въ бурный періодъ исторіи; на глазахъ у него воскресла душа испанскаго народа, и творчество его отразило воинственную жизнь и геройскій подъемъ духа, которыхъ тщетно было искать въ картинахъ другого генія, связаннаго съ однообразіемъ придворной жизни, не знающей иного нарушенія кромѣ вѣстей о далекихъ войнахъ и бесполезныхъ и позднихъ побѣдахъ, которыя вызывали на родинѣ не восторгъ, а скорѣе лишь холодныя сомнѣнія.

Реновалесъ повернулъ спину дамамъ Гойи съ прелестными губками, напоминающими розовые бутоны, съ прическами въ видѣ чалмы и въ платьяхъ изъ бѣлаго батиста. Все его вниманіе сосредоточилось на одной обнаженной фигурѣ, которая, казалось, затмевала блескомъ своего тѣла всѣ ближайшія картины. Художникъ долго глядѣлъ на нее вблизи, опершись на перила и почти касаясь полотна полями своей шляпы. Затѣмъ онъ медленно отступилъ назадъ, не спуская съ нея взгляда, и опустился на скамью противъ картины.

— Обнаженная Гойи! Обнаженная!

Онъ говорилъ вслухъ, самъ того не замѣчая, какъ будто слова его были выразителями бурнаго потока мыслей, нахлынувшихъ въ его голову; выраженія его восторга непрерывно мѣнялись въ зависимости отъ характера воспоми-

наній.

Художникъ съ наслаждєніємъ глядѣлъ на это обнаженное тѣло, граціозно-хрупкое и блестящее, словно внутри его горѣло пламя жизни подѣ перламутровою оболочкою. Крѣпкія груди, напоминающія выпуклостью чудныя магноліи, завершались блѣдно-розовыми, закрытыми бутонами. Легкая, еле замѣтная тѣнь затмевала половую тайну. Свѣтъ бросалъ блестящія пятна на круглыя, нѣжныя колѣни, а отъ нихъ шла опять легкая тѣнь къ маленькимъ, розовымъ, дѣтскимъ ногамъ съ изящными пальцами.

Это была маленькая, граціозная и пикантная женщина, испанская Венера; въ ней было какъ разъ столько полноты, сколько требовалось для покрытія мягкими округлостями стройной и изящной фигурки. Блестящіе глаза съ задорнымъ огонькомъ не гармонировали съ неподвижностью взгляда; на граціозныхъ губкахъ играла еле замѣтная, но вѣчная улыбка; на щекахъ, локтяхъ и ступняхъ ногъ розовый тонъ былъ прозраченъ и влажно-блестящъ, какъ у раковинъ, открывающихъ свои чудно-окрашенныя внутренности въ таинственныхъ глубинахъ моря.

— Обнаженная Гойи! Обнаженная!

Реновалесь пересталъ повторять эти слова вслухъ, но его мысли и взглядъ не отрывались отъ картины, и отражались въ улыбкѣ на его губахъ.

Онъ не былъ теперь одинъ. Время отъ времени между нимъ и картиною проходили взадъ и впередъ группы гром-



ко разговаривавшихъ любопытныхъ. Деревянный полъ дрожалъ подъ тяжелыми шагами. Былъ полдень, и каменщики съ сосѣднихъ построекъ воспользовались часомъ отдыха, чтобы заглянуть въ эти залы, словно это былъ новый міръ, съ наслажденіемъ вдыхая теплый, нагрѣтый воздухъ. Они оставляли на полу слѣды известки, подзывали другъ друга, чтобы подѣлиться впечатлѣніями передъ какою-нибудь картиною, выказывали большое нетерпѣніе въ желаніи охватить глазами сразу весь музей, восторгались воинами въ блестящемъ вооруженіи или сложной военной формой прежнихъ временъ на картинахъ. Тѣ изъ каменщиковъ, которые были поживѣе, служили своимъ товарищамъ проводниками и нетерпѣливо гнали ихъ дальше. Вѣдь, были-же они здѣсь накануне! Скорѣе впередъ! Имъ еще много оставалось посмотреть. И они бѣжали по направленію къ внутреннимъ заламъ, волнуясь отъ любопытства, какъ люди, которые только что ступили на новую землю и ждутъ, что передъ ними появится вдругъ что-нибудь особенное.

Среди этого галопирующаго простодушнаго восторга проходили также группы дамъ – испанокъ. Всѣ онѣ относились одинаково къ картинамъ Гойи, словно выслушали предварительно одинъ и тотъ же урокъ. Онѣ переходили отъ картины къ картинѣ, разсуждая о модахъ прежнихъ временъ и нѣсколько завидуя даже дамамъ въ пышныхъ юбкахъ, широкихъ мантильяхъ и высокихъ прическахъ. Но лица ихъ вскорѣ принимали серьезное выраженіе; онѣ презрительно

сжимали губы и быстрыми шагами удалялись въ глубь галлерей. Инстинктъ во время предупреждать ихъ объ опасности. Ихъ безпокойные глаза еще издали больно и непріятно поражались наготою на полотнѣ; онѣ чуяли присутствіе знаменитой красавицы, еще не видя ея, и проходили мимо картины, не оборачиваясь, со строгимъ и чопорнымъ видомъ — точно на улицѣ, когда пристають нахалы — не желая видѣть сосѣднихъ картинъ и не останавливаясь до сосѣдней залы Мурильо.

Это была ненависть къ красотѣ, вѣковое христіанское отвращеніе къ Природѣ и истинѣ, протестовавшія инстинктивно противъ того, что подобныя гадости терпятся въ общественномъ зданіи, населенномъ святыми, королями и аскетами.

Реновалесь обожалъ эту картину и относился къ ней восторженно-благоговѣйно, отводя ей совсѣмъ особое мѣсто въ художественномъ творествѣ. Это было первое проявленіе искусства, освободившагося отъ предразсудковъ нашей исторіи. Три вѣка живописи и нѣсколько поколѣній славныхъ именъ, отличавшихся необычайною плодovitостью, не дали до Гойи испанскаго художника, который посмѣлъ-бы нанести на полотно формы женскаго тѣла и божественную наготу, бывшую у всѣхъ народовъ первою вдохновительницею зарождающагося искусства! Реновалесь вспомнилъ другую обнаженную женскую фигуру — Венеру Веласкеса, хранящуюся въ чужой странѣ. Но эта картина не была плодомъ непо-

средственнаго вдохновенія; она была написана по заказу монарха, который щедро платилъ иностранцамъ за изображеніе наготы и пожелалъ имѣть подобную же картину кисти своего придворнаго художника.

Религіозная нетерпимость дѣйствовала на искусство подавляющимъ образомъ втеченіе долгихъ вѣковъ. Человѣческая красота отпугивала великихъ художниковъ, писавшихъ людей съ крестомъ на груди и четками на шпагѣ. Тѣла человѣческія скрывались подъ тяжелыми складками грубыхъ рясь или неуклюжими придворными кринолинами, и художники не смѣли отгадывать, что находится подъ ними, глядя на модели, какъ вѣрующіе люди смотрятъ на пышный плащъ Богородицы, не зная, что подъ нимъ – тѣло или три палки, поддерживающія голову. Радости жизни считались грѣхомъ, нагота, Божье твореніе, отвращеніемъ. Напрасно сіяло надъ испанскою землею болѣе прекрасное, чѣмъ въ Венеціи, солнце; тщетно преломлялись лучи свѣта на испанской землѣ съ болѣе яркимъ блескомъ, чѣмъ во Фландріи, испанское искусство отличалось мрачностью, сухостью и строгимъ духомъ, даже послѣ знакомства съ творчествомъ Тиціана. Возрожденіе, поклонявшееся во всѣхъ остальныхъ странахъ человѣческой наготѣ, какъ вѣнцу творенія, покрывалось въ Испаніи рясою монаха или лохмотьями нищаго. Залитые свѣтомъ пейзажи становились темными и мрачными при переходѣ на полотно; страна солнца изображалась въ живописи съ сѣрымъ небомъ и зловѣще-зеленою землею; головы пріоб-

рѣтали монастырскую угрюмость. Художникъ переносилъ на картины не то, что его окружало, а то, что было внутри его — часть своей души; а душа его была окована страхомъ передъ опасностями земной жизни и передъ муками загробной, она была черна и печальна, словно выпачкана сажей ко-стровъ Инквизиціи.

Эта нагая женщина съ кудрявой головой на скрещенныхъ и закинутыхъ назадъ рукахъ, подъ которыми виднѣлся, ничуть не нарушая ея безмятежнаго спокойствія, легкій пушокъ, знаменовала собою пробужденіе искусства, жившаго до тѣхъ поръ особою жизнью. Легкое тѣло, покоившееся на зеленомъ диванѣ и подушкахъ съ тонкими кружевами, собиралось, казалось, подняться въ воздухъ въ мощномъ порывѣ воскресенія.

Реновалесь думалъ объ обоихъ маэстро, одинаково великихъ и въ то же время столь разныхъ. Одинъ изъ нихъ отличался внушительнымъ величіемъ знаменитыхъ памятниковъ; онъ былъ величаво-спокоенъ, корректенъ, холоденъ, наполнялъ горизонтъ исторіи своею колоссальною громадою и старился со славою, не давая съ теченіемъ вѣковъ ни одной трещины въ своихъ мраморныхъ стѣнахъ. Со всѣхъ сторонъ у него былъ одинъ фасадъ, благородный, строгій, спокойный, безъ всякихъ фантастическихъ украшеній. Это былъ воплощенный разумъ, основательный, уравнившій, не знающій порывовъ восторга или упадка духа, торопливости или лихорадки. Другой художникъ былъ великъ, какъ гора, и по-

лонъ извилистыхъ неровностей, соотвѣтственныхъ причудливому безпорядку въ Природѣ. Тутъ было все: съ одной стороны крутая, голая скалы, далѣе долина, поросшая цвѣтущимъ кустарникомъ, внизу благоухающій садъ, населенный птицами, на вершинѣ горъ вѣнецъ грозовыхъ тучъ, извергающихъ громъ и молнію. Это было воплощенное воображеніе, которое бѣшено мчится впередъ, то пріостанавливаясь, то снова пускаясь далѣе, причѣмъ голова его теряется въ безпредѣльной дали, а ноги не отдѣляются отъ земли.

Жизнь дона Діега заключалась въ трехъ словахъ. «Онъ былъ художникомъ». Это была вся его біографія. Никогда во время путешествій по Испаніи и Италіи не побуждало его любопытство видѣть что либо иное кромѣ картинъ. При дворѣ короля-поэта онъ прозябалъ среди маскарадовъ и торжествъ, спокойный, какъ монахъ, стоя всегда передъ полотномъ и моделью, сегодня передъ шутомъ, завтра передъ маленькою инфантою, стремясь лишь къ тому, чтобы подняться въ чинѣ среди слугъ короля и получить право нашить красный крестъ на жилетъ. Это была возвышенная душа, заключенная въ флегматичномъ тѣлѣ, никогда не мучившемъ его нервными желаніями и не нарушавшемъ его спокойнаго труда вспышками страсти. Когда онъ умеръ, на слѣдующей же недѣлѣ умерла его супруга, добрая донья Хуана; они, по видимому, не могли жить другъ безъ друга послѣ мирнаго и долгаго совмѣстнаго существованія, не отличавшагося никакими приключеніями.

Гойа же «пожилъ». Онъ пожилъ, какъ художникъ и грансеньоръ: его существованіе было интереснымъ романомъ, полнымъ любовныхъ исторій. Раздвигая драпировки его мастерской, ученики видали шелковыя юбки королевы на колѣняхъ маэстро. Красавицы-герцогини того времени просили на перерывъ, чтобы крѣпкій мужествеино-галантный арагонецъ намалевалъ имъ румянецъ на щекахъ, смѣясь, какъ сумасшедшія отъ этихъ шалостей интимнаго характера. Любуясь торжественнымъ обнаженнымъ тѣломъ на растрепанной постели, Гойа переносилъ эти формы на полотно въ силу неудержимой потребности воспроизводить въ живописи красоту, и легенда, создавшаяся вокругъ испанскаго художника, соединяла его славное имя съ именами всѣхъ увѣковѣченныхъ его кистью красавицъ.

Писать, не зная ни страха, ни предразсудковъ, увлекаться работою, перенося на полотно сочную наготу и влажную, янтарную прозрачность женскаго тѣла съ розовыми переливами, словно у морскихъ раковинъ, было заповѣднымъ желаніемъ Реновалеса. Онъ мечталъ жить, какъ знаменитый донъ Франсиско Гойа, какъ свободныя птицы съ блестящими перьями, среди однообразія человѣческой жизни, и отличаться своими страстями, вкусами и свободными взглядами отъ большинства людей, какъ онъ отличался отъ нихъ оцѣнкою жизни.

Но увы! Жизнь его была похожа на жизнь дона Діего; она была ровна, однообразна, вытянута по стрункѣ. Онъ писалъ,

но не жилъ. Его картины пользовались большимъ успѣхомъ за точность въ передачѣ природы, за яркость красокъ, за прозрачность воздуха и внѣшнія формы вещей, но чего-то все-таки не хватало ему; это что-то шевелилось внутри него, и онъ тщетно пытался вырваться изъ вульгарныхъ рамокъ обыденной жизни.

Воспоминаніе о романтической жизни Гойи напомнило ему о его собственной. Его называли маэстро; у него покупали за хорошую цѣну все, что онъ писалъ, особенно, если это соотвѣтствовало чужому вкусу и противорѣчило его художественной волѣ; онъ наслаждался спокойнымъ и очень удобнымъ существованіемъ; дома въ роскошномъ дворцѣ, снимокъ съ котораго былъ помѣщенъ въ нѣсколькихъ иллюстрированныхъ журналахъ, у него была жена, вѣрившая въ его геніальность, и почти взрослая дочь, при видѣ которой смущались и волновались всѣ его ближайшіе ученики. Отъ прошлой богемы оставались у него лишь мягкія фетровыя шляпы, длинная борода, взъерошенные волосы и нѣсколько небрежное отношеніе къ своей внѣшности; но когда положеніе національной знаменитости требовало отъ него болѣе тщательнаго туалета, онъ вынималъ изъ шкапа фракъ съ кучей орденовъ въ петлицѣ и появлялся на официальныхъ торжествахъ съ весьма представительною внѣшностью. Много тысячъ дура хранилось у него въ банкѣ. Онъ принималъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ дома, въ мастерской, съ палитрою въ рукѣ, обсуждая съ нимъ, какія бумаги купить на годовой

заработокъ. Имя маэстро не вызывало ни удивленія, ни отвращенія въ высшемъ обществѣ, гдѣ было въ модѣ заказывать ему дамскіе портреты.

Въ прежнія времена онъ вызывалъ протесты и скандальныя толки своими дерзкими красками и революціоннымъ отношеніемъ къ Природѣ, но имя его вовсе не было запятнано посягательствомъ на правила приличія, которыя необходимо соблюдать съ публикою. Женщины, которыхъ онъ писалъ, были простыми крестьянками, отвратительными деревенскими красавицами; на его картинахъ не появлялись иныя обнаженные тѣла кромѣ потныхъ тѣлъ рабочаго люда или пухлыхъ дѣтскихъ фигурокъ. Онъ былъ почтеннымъ маэстро, который культивировалъ свой выдающійся талантъ съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ торговые люди занимаются своими дѣлами.

Чего-же не хватало ему?... Увы!.. Реновалесь иронически улыбался. Вся его жизнь предстала вдругъ передъ нимъ въ бурномъ потокѣ воспоминаній. Онъ устремилъ еще разъ взглядъ на эту обнаженную женщину блестящей перламутровой бѣлизны, съ заложенными за голову руками, съ пышными, выпуклыми грудями и обращеннымъ на него взоромъ, какъ будто она видѣла въ немъ стараго знакомаго. И онъ повторять мысленно, съ выраженіемъ горькаго разочарованія:

— Обнаженная Гойи!.. Обнаженная!



## II

Когда Маріано Реновалесь вспоминаль первые годы своей жизни, въ его памяти, особенно легко удерживавшей внѣшнія впечатлѣнія, явственнѣ всего звучали непрерывные удары молота по наковальнѣ. Съ ранней зари до того времени, какъ земля начинала окутываться полумракомъ сумерекъ, желѣзо пѣло и стонало отъ пытки на наковальнѣ; отъ ударовъ дрожали и стѣны дома, и полъ комнатки въ верхнемъ этажѣ, гдѣ Маріано игралъ у ногъ блѣдной, болѣзненной женщины съ глубокимъ и серьезнымъ взглядомъ; она часто оставляла шитье, чтобы поцѣловать своего малыша съ неожиданною порывистостью, словно боялась, что не увидить его больше.

Непрерывные удары молота, подъ звуки которыхъ состоялось появленіе Маріано на свѣтъ, будили его съ первыми лучами солнца; онъ соскакивалъ съ кровати и спускался въ кузницу грѣться у раскаленной печи. Отецъ его, волосатый и добродушный циклопъ, весь почернѣвшій отъ сажи, поворачивалъ желѣзо въ печи, работалъ напильникомъ и отдавалъ, среди оглушительнаго шума, зычнымъ голосомъ приказанія своимъ подручнымъ. Двое дюжихъ парней съ открытою грудью, ковали желѣзо, сильно взмахивая руками и пыхтя; то красное, то огненно-желтое, оно извергало при каждомъ ударѣ молота потоки блестящихъ искръ, которыя съ трескомъ разсыпались въ видѣ яркихъ букетовъ, населяя мрач-

ную атмосферу кузницы роємъ огненныхъ мухъ, и замирали черныя и потухшія, въ полныхъ сажи углахъ.

— Тихонько, малышъ, — говорилъ отецъ, опуская свою крупную руку на нѣжную головку ребенка съ тонкими кудрявыми волосами.

Блескъ раскаленнаго желѣза привлекалъ ребенка настолько сильно, что онъ пробовалъ иногда завладѣть искорками, сверкавшими на землѣ, словно упавшія звѣзды.

Отецъ гналъ его изъ кузницы на улицу. Передъ почернѣвшею отъ сажи дверью разстилались на склонѣ горы залитыя солнцемъ поля, раздѣленные межами и каменными оградами на правильныя геометрическія фигуры. Внизу въ долинѣ виднѣлись группы тополей на берегахъ извилистой, хрустальной рѣки, а вдали высились горы, поросшія до верху темными соснами. Кузница находилась неподалеку отъ маленькаго городка; оттуда и изъ окрестныхъ деревень поступали въ нее заказы на новыя оси для телѣгъ или плуги, косы, лопаты и вилы для починки.

Постоянные удары молота побуждали ребенка къ лихорадочной дѣятельности и отрывали его отъ дѣтскихъ игръ. Въ возрастѣ восьми лѣтъ онъ хватался иногда за веревку мѣховъ и тянулъ ее, восторгаясь снопомъ искръ, которыя вырывались изъ угля, подъ сильною струею воздуха. Добрый циклопъ обожалъ сына, который былъ крѣпокъ и силенъ, какъ всѣ въ его семьѣ; кулаки мальчика внушали даже въ этомъ возрастѣ сильное уваженіе окрестнымъ ребятишкамъ. Маріа-

но быть сыномъ своего отца; отъ бѣдной матери, слабой и болѣзненной, онъ унаслѣдовалъ только склонность къ уединенному размышленію. Цѣлыми часами просиживалъ онъ иногда, когда затихала въ немъ жажда кипучей дѣятельности, и молча любовался полями, небомъ и ручьями, которые стекали съ горъ по камушкамъ и впадали въ рѣку въ глубинѣ долины.

Мальчикъ ненавидѣлъ школу и чувствовалъ къ ученію искреннее отвращеніе. Его сильныя руки дрожали въ нерѣшимости, когда онъ брался за перо. За то отецъ и всѣ окружающіе восторгались легкостью, съ которою онъ воспроизводилъ все, что видѣлъ, въ простыхъ и наивныхъ рисункахъ, не упуская ни малѣйшей подробности. Карманы его были всегда полны угля, и онъ не проходилъ мимо стѣны или любого свѣтлаго камня безъ того, чтобы не нарисовать на нихъ сейчасъ же предметы, поражавшіе его глазъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Наружныя стѣны кузницы были совсѣмъ черны отъ рисунковъ маленькаго Маріано. Длинною вереницею тянулись на нихъ съ хвостиками закорючкою и задранными кверху мордами свиньи Святого Антонія, которыя содержались въ маленькомъ городкѣ на общественный счетъ и разыгрывались жителями въ лотерею въ день этого святого. А посреди этой пузатой процессіи выглядывалъ профиль кузнеца и его подручныхъ съ надписью подъ каждымъ изъ нихъ, чтобы ни у кого не могло быть сомнѣній относительно оригинала.

— Поди-ка сюда, жена, — кричалъ кузнецъ своей болѣзненной подругѣ жизни при видѣ новаго рисунка. — Поди, посмотри, что сдѣлалъ нашъ сынъ. Экій бѣсенокъ!..

Восторженное отношеніе къ таланту сына заставляло кузнеца смотрѣть сквозь пальцы на то, что мальчикъ исчезалъ изъ школы и кузницы и бѣгалъ цѣлыми днями по долинкамъ или городку съ углемъ въ рукѣ, покрывая черными рисунками окрестныя скалы и стѣны домовъ къ великому отчаянію хозяекъ. На стѣнахъ таверны, на Главной площади города Маріано начертилъ головы всѣхъ наиболѣе усердныхъ почитателей ея, и трактирщикъ съ гордостью показывалъ ихъ публикѣ, не позволяя никому дотрагиваться до нихъ изъ боязни, что онѣ сотрутся. Это произведеніе искусства льстило тщеславію кузнеца, когда онъ заходилъ по воскресеньямъ послѣ обѣдни въ таверну выпить со старыми пріятелями стаканъ вина. А на домѣ священника Маріано нарисовалъ Пресвятую Дѣву, передъ которой останавливались, глубоко вздыхая, всѣ старыя ханжи.

Кузнецъ краснѣлъ отъ удовольствія, выслушивая похвалы мальчику, какъ-будто онѣ относились къ нему самому. Откуда явился этотъ гений въ такой некультурной семьѣ? Кузнецъ утвердительно качалъ головою, когда важные люди въ городѣ совѣтовали ему сдѣлать что-нибудь для сына. Само собою разумѣется! Онъ не знаетъ, что именно слѣдуетъ сдѣлать, но признаетъ, что они правы; маленькому Маріано не пристойно ковать желѣзо, какъ отцу. Онъ можетъ сдѣлаться такою же

важною персоною, какъ донъ Рафаэль, который писалъ святыхъ въ главномъ городѣ провинціи и училъ художниковъ въ огромномъ домѣ, полномъ картинъ, тамъ въ городѣ, а по лѣтамъ пріѣзжалъ съ семьей на свою виллу внизу въ долину.

Этотъ донъ Рафаэль внушалъ всѣмъ уваженіе своимъ серьезнымъ видомъ; это былъ святой человѣкъ, обремененный кучей дѣтей; онъ носилъ сюртукъ, словно священническую рясу, и говорилъ слащаво, какъ монахъ, хотя это вовсе не шло къ его худому, розовому лицу, обрамленному сѣдою бородою. Въ мѣстной церкви хранился писанный имъ образъ Пречистой Богоматери, нѣжные, блестящіе тона котораго вызывали у набожныхъ людей дрожь въ ногахъ. Кромѣ того глаза этой Богоматери обладали чудеснымъ свойствомъ глядѣть прямо на того, кто смотрѣлъ на нее, и даже слѣдили за нимъ взоромъ, куда бы онъ ни отходилъ. Это было истинное чудо. Не вѣрилось даже, чтобы каргина была создана славнымъ, скромнымъ господиномъ, который поднимался лѣтомъ каждое утро въ городокъ къ обѣднѣ. Какой-то англичанинъ хотѣлъ купить ее, предлагая цѣну на вѣсь золота. Никто не видалъ этого англичанина, но всѣ только презрительно улыбались, рассказывая о его предложеніи. Такъ и продадутъ ему образъ! Пусть бѣсятся отъ злости еретики со своими милліонами! Пречистая Дѣва останется въ мѣстной церкви на зависть всему міру и преимущественно сосѣднимъ городкамъ.

Когда священникъ явился къ дону Рафаэлю, чтобы раз-

сказать ему о сынѣ кузнеца, великій человекъ уже зналъ о способностяхъ ребенка. Онъ видалъ его рисунки въ городкѣ и признавалъ, что мальчикъ, повидимому, довольно талантливъ, и слѣдуетъ безусловно направить его по вѣрному пути. Затѣмъ явились къ нему кузнецъ съ сыномъ; оба смутились, очутившись на чердакѣ виллы, гдѣ донъ Рафаэль устроилъ себѣ мастерскую, и увидя вблизи баночки съ красками, палитру, кисти и полотно съ голубымъ фономъ, на которомъ намѣчались розовыя пухлыя формы херувимовъ и оцухотворенное лицо Божьей Матери.

Когда лѣто кончилось, добрый кузнецъ рѣшилъ послѣдовать совѣтамъ дона Рафаэля. Разъ художникъ такъ добръ, что согласенъ помочь мальчику, то и отецъ сдѣлаетъ со своей стороны все, чтобы не испортить его счастливой судьбы. Кузница давала ему и семьѣ средства къ жизни. Важно было только поработать еще нѣсколько лѣтъ и продержаться до конца жизни у наковальни, безъ помощника и преемника въ трудѣ. Сынъ его былъ рожденъ для важной роли въ мірѣ и стыдно было испортить его жизнь и не принять помощи отъ добраго покровителя.

Мать Маріано дѣлалась все слабѣе и болѣзненнѣе. Она горько заплакала при прощаньѣ съ сыномъ, какъ-будто главный городъ провинціи находился на краю свѣта.

— Прощай, сынокъ. Не увижу я тебя больше!

И дѣйствительно Маріано не пришлось больше увидѣть безкровнаго лица матери съ большими, лишенными всякаго

выраженія глазами. Оно совершенно изгладилось изъ его памяти и обратилось въ бѣлое пятно, на которомъ онъ тщетно пытался возстановить дорогія черты.

Въ городѣ его жизнь измѣнилась радикальнымъ образомъ. Онъ понялъ здѣсь, чего искали его руки, вода углемъ по бѣлымъ стѣнамъ домовъ. Тайны искусства открылись ему въ тихіе вечера, въ старомъ монастырѣ, гдѣ помѣщался провинціальный музей, въ то время, какъ донъ Рафаэль разсуждалъ съ другими господами въ профессорской комнатѣ или подписывалъ въ канцеляріи важныя бумаги.

Маріано жилъ въ домѣ своего покровителя, будучи одновременно его слугою и ученикомъ; онъ носилъ отъ него письма сенъору декану и разнымъ каноникамъ, которые гуляли со своимъ пріятелемъ маэстро или собирались у него въ домѣ. Маріано часто приходилось бывать въ пріемныхъ разныхъ монастырей и передавать черезъ густыя рѣшетки порученія отъ дона Рафаэля бѣлымъ и чернымъ тѣнямъ монахинь; узнавъ, что этотъ милый, свѣжій и привлекательный деревенскій мальчикъ собирается сдѣлаться художникомъ, монахини засыпали его массою вопросовъ подъ вліяніемъ развившагося въ одиночествѣ любопытства, угощали его черезъ турникетъ конфектами, лимономъ въ сахарѣ или иными вкусными вещами изъ монастырскихъ кладовыхъ и снабжали на прощанье здоровыми совѣтами, которые звучали сквозь желѣзныя рѣшетки нѣжно и мягко.

— Будь хорошимъ мальчикомъ, Маріанито. Учись и мо-

лись. Будь хорошимъ христіаниномъ. Господь Богъ поможетъ тебѣ, и можетъ-быть ты сдѣлаешься такимъ же чуднымъ художникомъ, какъ донъ Рафаэль. Онъ, вѣдь, одинъ изъ первыхъ въ мірѣ.

Какъ смѣялся въ послѣдствіи Реновалесь надъ своею дѣтскою наивною, заставлявшею его видѣть въ учителѣ величайшаго художника въ мірѣ! Въ классѣ, въ Академіи Художествъ, онъ возмущался всегда своими товарищами, непочтительными ребятами, выросшими на улицѣ, сыновьями разныхъ ремесленниковъ, которые бомбардировали другъ друга хлѣбомъ для стиранія рисунковъ, какъ только профессоръ повертывался къ нимъ спиной, и ненавидѣли дона Рафаэля, называя его ханжей и іезуитомъ.

Вечера Маріано проводилъ въ мастерской со своимъ учителемъ. Какъ волновался онъ, когда художникъ впервые далъ ему въ руки палитру и позволилъ писать на старомъ полотнѣ копію съ образа младенца Святого Іоанна недавно оконченнаго имъ для одной городской церкви!.. Нахмурившись отъ сильнаго напряженія, мальчикъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы скопировать произведеніе маэстро и слушалъ въ тоже время добрые совѣты которые тотъ давалъ ему, не отрывая глазъ отъ полотна и быстро водя своею ангельскою кистью.

По словамъ дона Рафаэля, живопись должна была носить непременно религіозный характеръ. Первые картины въ мірѣ возникли подъ вліяніемъ религіи; внѣ ея жизнь отличалась лишь гадкимъ матеріализмомъ и отвратительною



грѣховностью. Живопись должна была стремиться къ идеалу, къ красотѣ, создавать всегда чудные образы, воспроизводить вещи въ такомъ видѣ, какъ онѣ должны быть, а не какъ онѣ есть въ дѣйствительности, а главное стремиться вверхъ, къ небу, потому что истинная жизнь тамъ, а не здѣсь на землѣ, полной горя и слезъ. Маріано долженъ былъ перевоспитать себя, совѣтовалъ старый учитель, и искоренить въ себѣ склонность къ рисованію грубыхъ вещей, какъ напримѣръ людей такими, какъ они есть, животныхъ во всемъ ихъ грубомъ реализмѣ и пейзажей въ томъ видѣ, какъ они представлялись его глазамъ.

Надо было и самому быть идеальнымъ человекомъ. Многіе художники были почти святыми; только при этомъ условіи удавалось имъ изобразить небесную красоту на лицахъ своихъ мадоннъ. И бѣдный Маріано лѣзъ изъ кожи, чтобы сдѣлаться идеальнымъ человекомъ, и присвоить себѣ хоть обгрызокъ тихаго, ангельскаго блаженства, окружавшаго его учителя.

Маріано знакомился постепенно съ пріемами, благодаря которымъ донъ Рафаэль создавалъ свои чудныя произведенія искусства, вызывавшія крики восторга у его пріятелей канониковъ и у богатыхъ дамъ, заказывавшихъ ему образа. Когда старый художникъ собирался приступить къ воспроизведенію на полотнѣ Пречистой Лѣвы, постепенно наводнявшей своими изображеніями церкви и монастыри провинціи, онъ вставалъ рано утромъ и шелъ въ мастерскую, не иначе,

какъ предварительно исповѣдавшись и причастившись. Онъ чувствовалъ въ себѣ внутреннюю силу и искренній подъемъ духа, а если посреди работы являлся вдругъ недостатокъ въ нихъ, то онъ снова прибѣгалъ къ обычному источнику вдохновенія.

Художникъ долженъ быть чистъ душою и тѣломъ. Донъ Рафаэль далъ обѣтъ дѣвственности, когда ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ; конечно, это было поздно, но запозданіе явилось отнюдь не потому, что онъ не зналъ раньше этого вѣрнаго средства достигнуть полнаго идеала небеснаго художника. Супруга его, преждевременно состарившаяся отъ безчисленныхъ родовъ и подавленная вѣрностью и тяжеловѣсною добродѣтелью мужа, сократила свои супружескія обязанности до того, что лишь молилась съ мужемъ по четкамъ и пѣла съ нимъ гимны Пресвятой Троицѣ по вечерамъ. У нихъ было нѣсколько дочерей, существованіе которыхъ лежало тяжелымъ камнемъ на совѣсти маэстро, какъ напоминаніе о постыдномъ матеріализмѣ. Но однѣ изъ нихъ уже подстриглись въ монахини, а другія собирались послѣдовать примѣру сестеръ, и ореолъ идеализма выступалъ все явственнѣе вокругъ художника по мѣрѣ того, какъ эти свидѣтельницы его грѣховности исчезали изъ дому и скрывались въ монастыряхъ, гдѣ онѣ поддерживали художественный престижъ отца.

Иной разъ маэстро оставлялъ работу въ нерѣшимости, когда Пречистая Дѣва выходила одинаковой подрядъ на

нѣсколькихъ образахъ. Въ такихъ случаяхъ донъ Рафаэль говорилъ своему ученику таинственнымъ голосомъ:

— Маріано, поди скажи сеньорамъ, чтобы завтра не приходили. Я буду писать съ модели.

Мастерская оставалась въ такіе дни запертою для священниковъ и прочихъ почтенныхъ друзей маэстро. Въмѣсто нихъ тяжелою поступью являлся городской Родригесъ, съ окуркомъ сигары подъ жесткими торчащими усами и съ саблей на боку. Онъ былъ выгнанъ съ жандармской службы за пьянство и жестокость и, оставшись безъ дѣла, обратился, по непонятному наитію въ модель для художниковъ. Набожный донъ Рафаэль, слегка трусившій Родригеса, внялъ его усиленнымъ просьбамъ и устроилъ ему мѣсто въ полиціи. Послѣ этого Родригесъ не пропускалъ ни одного удобнаго случая выразить маэстро свою бульдожью благодарность, похлопывая его своими огромными лапами по плечамъ и дыша ему въ лицо никотиномъ и алкоголемъ.

— Донъ Рафаэль! Вы — мой второй отецъ! Пусть только попробуетъ кто-нибудь тронуть васъ, и я отрублю ему вотъ это, и то, что еще ниже.

Но мистикъ-маэстро, довольный въ глубинѣ души такимъ покровительствомъ, краснѣлъ и махалъ руками, чтобы уговорить грубое животное.

Родригесъ бросалъ свое кепи на полъ, отдавалъ Маріано тяжелое оружіе и, съ видомъ человѣка, хорошаго знающаго свои обязанности, доставалъ изъ сундука бѣлую шерстяную

тунику и голубую тряпку въ видѣ плаща, накидывая обѣ себѣ на плечи ловкими, привычными руками.

Маріано глядѣлъ на него съ изумленіемъ, но безъ малѣйшаго желанія смѣяться. Это были тайны искусства, разоблаченія доступныя лишь такимъ, какъ онъ, которымъ выпадаетъ на долю счастье жить въ непосредственной близости великаго маэстро.

— Готово, Родригесъ? — нетерпѣливо спрашивалъ донъ Рафаэль.

Родригесъ выпрямлялся въ своемъ купальномъ туалетѣ, причеъ голубая тряпка свисала у него съ плечъ, складывалъ руки, какъ для молитвы, и устремлялъ жестокій взоръ въ потолокъ, не выпуская изо рта окурка, который палилъ ему усы. Маэстро нуждается въ модели лишь для одѣянія Пречистой Дѣвы, т. е. для изученія складокъ небеснаго плаща, подъ которымъ не должно было обрисовываться рѣшительнаго ничего похожаго на округлости человѣческаго тѣла. Ему никогда не приходило въ голову мысль писать образъ Божьей Матери съ женщины; это значило, по его мнѣнію, вгѣсть въ матеріализмъ, прославить бренное тѣло, призывать искушеніе. Родригесъ вполнѣ удовлетворялъ его; художникъ долженъ всегда оставаться идеалистомъ.

А модель продолжала стоять въ мистической позѣ, подъ безконечными складками голубого и бѣлаго одѣянія, изъ подъ котораго виднѣлись тупые носки сапогъ городского; гордо откинувъ назадъ сплюсненную, грубую голову со ще-

тиною на макушкѣ, она кашляла и отплевывалась изъ за дыма сигары, но не сводила глазъ съ потолка и не разъединяла рукъ, сложенныхъ въ молитвенной позѣ.

Иной разъ, утомившись отъ молчанія трудящагося маэстро и его ученика, Родригесъ начиналъ издавать мычаніе, принимавшее постепенно форму словъ и выливавшееся въ концѣ концовъ въ рассказъ о подвигахъ его героической эпохи, когда онъ былъ жандармомъ и «могъ задать здоровую трепку каждому, уплативъ за это потомъ бумаженкою». Пречистая Дѣва оживлялась при этихъ воспоминаніяхъ. Ея огромныя руки разъединялись тогда, почесываясь отъ пріятно-драчливаго зуда, изысканныя складки плаща разстраивались, глаза съ красными жилками переставали глядѣть вверхъ, и она повѣтствовала хриплымъ голосомъ о страшныхъ ударахъ палками, о людяхъ, которыхъ хватали за самыя болѣзненные части тѣла, и которые падали на землю, корчась отъ боли, о разстрѣлѣ арестованныхъ, изображавшихся въ докладахъ бѣглецами; а для приданія пущей выразительности этой автобіографіи, повѣтствуемой съ животною гордостью, она пересыпала свой рассказъ междометіями, касавшимися самыхъ интимныхъ частей человѣческаго организма и лишенными всякаго уваженія къ первымъ персонажамъ небеснаго двора.

— Родригесъ, Родригесъ! — въ ужасѣ останавливалъ его маэстро.

— Слушаюсь, донъ Рафаэль!

И передвинувъ сигару въ другой уголь рта, Пречистая Дѣва снова складывала руки, потягивалась, причемъ изъ подъ туники высовывались брюки съ краснымъ кантомъ, и устремляла взглядъ кверху, улыбаясь въ восторгѣ, точно на потолокъ были выписаны всѣ ея подвиги, которыми она такъ гордилась.

Маріано приходилъ въ отчаяніе передъ своимъ полотномъ. Онъ былъ совершенно неспособенъ писать что-либо кромѣ видѣннаго, и, изобразивъ бѣлое и голубое одѣяніе, кисть его въ нерѣшимости останавливалась, тщетно призывая на помощь воображеніе, чтобы написать голову. Всѣ его упорныя усилія приводили лишь къ тому, что на полотнѣ появлялась безобразная морда Родригеса.

И ученикъ искренно восхищался ловкостью и умѣніемъ дона Рафаэля, блѣдною головою Богородицы, освѣщенной свѣтлымъ ореоломъ, и дѣтски-красивымъ и невыразительнымъ лицомъ ея, замѣнявшемъ на картинѣ жесткую голову городского.

Эта поддѣлка была въ глазахъ молодого человѣка высшимъ проявленіемъ искусства. Когда-то добьется онъ такой ловкости, какъ маэстро!

Разница между дономъ Рафаэлемъ и его ученикомъ дѣлалась со временемъ все рѣзче. Въ школѣ товарищи окружали Маріано, расхваливая его рисунки и признавая превосходство надъ ними. Нѣкоторые профессора, противники дона Рафаэля, сожалѣли, что такія богатые дарованія могутъ да-

ромъ погибнуть подъ руководствомъ «богомаза». Донъ Рафаэль съ изумленіемъ глядѣлъ на все, что Маріано писалъ внѣ его мастерской; это были фигуры и пейзажи прямо съ натуры, дышавшіе, по мнѣнію старика, грубою животною жизнью.

Навѣщавшіе дона Рафаэля старые пріятели стали признавать за Маріано нѣкоторыя заслуги.

— Онъ никогда не поднимется до вашей высоты, донъ Рафаэль, — говорили они. — Въ немъ нѣтъ ни благоговѣнія, ни идеализма, онъ никогда не напишетъ хорошаго образа, но, какъ свѣтскій художникъ, онъ пойдетъ далеко.

Маэстро любилъ мальчика за покорность и чистоту нравовъ, но тщетно старался направить его на путь истины. Если-бы Маріано могъ только подражать ему, то счастье его было-бы сдѣлано. Донъ Рафаэль не имѣлъ преемниковъ, и его слава и мастерская перешли-бы къ Маріано. Стоило только поглядѣть, какъ онъ постепенно, точно трудолюбивый муравей, создалъ себѣ кистью недурное состояньице. Благодаря своему идеализму, онъ приобрѣлъ виллу на родинѣ Маріано и безконечное множество земельныхъ участковъ, сдаваемыхъ имъ въ аренду; въ мастерскую его часто являлись арендаторы, заводя передъ поэтическими образами нескончаемые толки объ условіяхъ аренды. Церковь была бѣдна изъ за упадка вѣры въ людяхъ и не могла оплачивать труда художниковъ такъ щедро, какъ въ былыя времена, но заказы дѣлались все-таки чаще и чаще, и Пресвятая Дѣва со всей своей

чистотою была лишь дѣломъ трехъ дней... Но молодой Реновалесь печально пожималъ плечами, словно съ него требовали непосильной жертвы.

— Я не могу, маэстро. Я дуракъ и не умѣю придумывать. Я пишу только то, что вижу.

Когда Маріано увидалъ обнаженные тѣла въ натурномъ классѣ, онъ съ яростію набросился на эти занятія, какъ-будто голыя тѣла опьяняли его и кружили ему голову. Донъ Рафаэль пришелъ въ ужасъ, увидя въ углахъ своего дома этюды съ постыднымъ изображеніемъ разныхъ частей человѣческаго тѣла во всей ихъ наготѣ; кромѣ того успѣхи ученика нѣсколько смущали учителя, видѣвшаго въ живописи Маріано силу, которой никогда не было у него самого. Донъ Рафаэль сталъ даже замѣчать перемѣну въ своихъ старыхъ пріятеляхъ. Добрые каноники по прежнему восторгались его образами Божьей Матери, но нѣкоторые изъ нихъ заказывали свои портреты Маріано, расхваливая увѣренность его кисти.

Однажды донъ Рафаэль рѣшительно заговорилъ со своимъ ученикомъ.

— Ты знаешь, Маріанито, что я люблю тебя, какъ родного сына. Но со мною ты только теряешь даромъ время. Я ничему не могу научить тебя. Твое мѣсто не здѣсь. По-моему, тебѣ слѣдуетъ уѣхать въ Мадридъ. Тамъ ты будешь въ своей атмосферѣ.

Матери Маріано не было въ живыхъ; отецъ продолжалъ работать въ кузницѣ и, когда сынъ пріѣхалъ съ нѣсколькими



дуросами, вырученными за написанные имъ портреты, отецъ увидѣлъ въ этой суммѣ цѣлое состояніе. Ему совершенно не вѣрилось, чтобы люди могли платить деньги за картинки. Письмо дона Рафаэля окончательно убѣдило его въ необходимости поѣздки Маріано въ Мадридъ. Если этотъ мудрый сеньоръ совѣтовалъ Маріано ѣхать въ столицу, то, значитъ, такъ и надо было сдѣлать.

— Поѣзжай въ Мадридъ, сынокъ, и постарайся поскорѣе зарабатывать деньги. Отецъ твой старъ и не всегда будетъ въ состояніи помогать тебѣ.

Реновалесь очутился въ Мадридѣ въ шестнадцать лѣтъ одинъ одишешенецъ, руководясь лишь своею волею, и весь ушелъ въ работу. Каждое утро просиживалъ онъ нѣскольکو часовъ въ музеѣ Прадо, копируя головы со всѣхъ картинъ Веласкеса. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто только что прозрѣлъ. Кромѣ того онъ работалъ въ тѣсной мастерской вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, а по вечерамъ писалъ акварели. Выручкою съ продажи этихъ послѣднихъ и изрѣдка копій съ картинъ онъ пополнялъ недостатокъ въ средствахъ къ жизни, такъ какъ отецъ посылалъ ему на прожитіе лишь очень скромную сумму.

Съ искреннею тоскою и сожалѣніемъ вспоминалъ Реновалесь эти годы истинной нужды: холодныя ночи и жесткую постель, скверные обѣды сомнительнаго состава въ тавернѣ около Королевскаго театра и споры въ уголку кафе подъ враждебными взорами лакеевъ, которые злились на то,

что дюжина молодыхъ людей заимаетъ нѣсколько столиковъ, требуя на всю компанію три чашки кофе и много графиновъ воды...

Веселая молодежь легко переносила нужду. И какъ полна была она иллюзій, какъ преисполнена чудныхъ надеждъ! Каждый день приносилъ съ собою какое-нибудь новое открытіе. Реновалесъ носился въ области искусства, словно дикій жеребецъ; передъ нимъ открывались все новые и новые горизонты, и галопъ его вызывалъ шумный скандалъ, который бытъ равносильнъ преждевременной славѣ. Старики говорили про него, что онъ — единственный изъ молодежи, въ которомъ «что-то есть»; товарищи Маріано утверждали, что онъ «художникъ крупной величины» и сравнивали въ своемъ иконоборческомъ пылу его неопытныя произведенія съ творчествомъ художниковъ старой школы, «жалкихъ буржуевъ искусства», считая необходимымъ изливать свое презрѣніе на ихъ лысины и утверждая такимъ образомъ превосходство молодого поколѣнія.

Участіе Реновалеса въ конкурсѣ на стипендію въ Римѣ чуть не вызвало среди его товарищей революціи. Молодежь, обожавшая его и считавшая его своимъ главнымъ главаремъ, заволновалась самымъ угрожающимъ образомъ изъ страха, что «старики» провалятъ ихъ кумира.

И когда, наконецъ, Маріано получилъ стипендію, благодаря своему явному превосходству надъ остальными, въ честь его было дано нѣсколько банкетовъ, въ газетахъ появилось

нѣсколько статей, посвященныхъ ему, въ иллюстрированны-хъ журналахъ былъ помѣщенъ его портретъ, и даже старый кузнецъ явился въ Мадридъ, чтобы подышать, со слезами волненія, еиміамомъ, который курили его сыну.

Въ Римѣ Реновалеса ожидало тяжелое разочарованіе. Соотечественники встрѣтили его нѣсколько холодно. Молодежь смотрѣла на него, какъ на соперника, надѣясь, что первая же картины приведутъ къ его паденію; старики, жившіе вдали отъ родины, отнеслись къ нему съ недоброжелательнымъ любопытствомъ. «Такъ этотъ крупный дѣтина — тотъ самый сынъ кузнеца, что такъ нашумѣлъ тамъ среди невѣждъ! Мадридъ не Римъ. Теперь мы посмотримъ, чего стоитъ этотъ геній».

Реновалесь ничего не написалъ въ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Римѣ. Когда его ехидно спрашивали о его картинахъ, онъ лишь пожималъ плечами; онъ пріѣхалъ въ Римъ учиться, а не писать картины; правительство давало ему стипендію на ученіе. И Маріано провелъ болѣе полугода, рисуя въ лучшихъ музеяхъ, гдѣ онъ изучалъ знаменитыя произведенія искусства съ углемъ въ рукѣ. Коробки съ красками лежали неоткрытыя въ углу его мастерской.

Вскорѣ Римъ вызвалъ въ немъ чувство ненависти изъ-за образа жизни художниковъ въ этомъ великомъ городѣ. Къ чему тутъ стипендіи? Люди учились здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Римъ былъ не школою, а рынкомъ. Торговцы картинами основались здѣсь среди крупнаго наплыва худож-

никовъ. Всѣ эти художники — и старики, и начинающая молодежь, знаменитые и неизвѣстные — поддавались денежному искушенію и увлекались комфортомъ и прелестями жизни, работая лишь на продажу и руководясь въ своей работѣ указаніями нѣсколькихъ нѣмецкихъ евреевъ, которые обходили мастерскія, назначая сюжеты и размѣры картинъ для распространенія ихъ въ Европѣ и Америкѣ.

Бывая въ мастерскихъ своихъ товарищей по профессіи, Реновалесъ видѣлъ въ нихъ только жанровыя картинки: это были портреты то разныхъ господъ въ сюртукахъ, то арабовъ въ лохмотьяхъ, то калабрійскихъ крестьянъ. Картины эти были недурны и вполне закончены и писались либо съ манекеновъ, либо съ семействъ сіосіагі, которыхъ нанимали каждое утро на площади Испаніи у лѣстницы Троицы; семьи эти неизмѣнно состояли изъ смуглыхъ крестьянокъ съ черными глазами и большими кольцами въ ушахъ, разодѣтыхъ въ зеленыя юбки, черныя корсеты и бѣлыя головные уборы, приколотые къ волосамъ большими булавками, и изъ отцовъ семействъ въ лаптяхъ, шерстяныхъ безрукавкахъ и остроконечныхъ шляпахъ со спиралеобразными лентами надъ бѣлыми, какъ снѣгъ, головами, словно у Вѣчнаго Отца. Художники оцѣнивали ихъ заслуги по количеству тысячъ лиръ, выручаемыхъ съ cadaго за годъ, и отзывались съ уваженіемъ о знаменитыхъ маэстро, получавшихъ отъ парижскихъ и чикагскихъ милліонеровъ цѣлыя состоянія за маленькія картинки, которыхъ, впрочемъ, никто не видалъ. Этотъ родъ ис-

кусства немногимъ отличался отъ художества перваго учителя Маріано, несмотря на то, что здѣсь оно носило свѣтскій характеръ, какъ сказалъ бы донъ Рафаэль. И для этого посылали людей учиться въ Римъ!

Вслѣдствіе того, что соотечественники косились на него за рѣзкій характеръ, откровенную манеру выражаться и прямолинейность, не позволявшую ему брать никакихъ заказовъ отъ торговцевъ картинами, Маріано сталъ искать сближенія съ художниками другихъ странъ и скоро пріобрѣлъ популярность среди молодыхъ космополитовъ, основавшихся въ Римѣ.

Энергія и полнота жизни дѣлали его веселымъ и симпатичнымъ собесѣдникомъ, когда онъ являлся въ мастерскія на улицѣ Бабуино или въ кафе на Корсо, гдѣ собирались дружно небесѣдовать художники разныхъ національностей.

Въ двадцать лѣтъ Маріано былъ крупнымъ дѣтиной атлетическаго сложенія и достойнымъ потомкомъ челоѣка, ковавшего желѣзо съ разсвѣта до поздней ночи въ уголкѣ далекой Испаніи. Одинъ его пріятель, молодой англичанинъ, прочиталъ однажды въ честь его страницу изъ Рескина. «Пластическое искусство носить по самому существу своему атлетическій характеръ». Больной челоѣкъ, полукалѣка можетъ-быть великимъ поэтомъ или знаменитымъ музыкантомъ, но чтобы быть Микель Анжело или Тиціаномъ, надо обладать не только избранною душою, но и крѣпкимъ тѣломъ. Леонардо да Винчи ломалъ руками подковы; скульпто-

ры эпохи Возрожденія обрабатывали своими титаническими руками огромныя глыбы гранита и вдавливали рѣзецъ въ твердую бронзу; великіе художники были часто архитекторами и сдвигали съ мѣста огромныя глыбы... Реновалесь задумчиво выслушать слова великаго англійскаго критика. У него самого была сильная душа въ атлетическомъ тѣлѣ.

Стремленія молодости не увлекали его за предѣлы здороваго опьяненія силою и движеніемъ.

Обиліе моделей въ Римѣ дало ему возможность раздѣть въ своей мастерской одну сіюсіюага и съ наслажденіемъ нарисовать формы ея обнаженнаго тѣла. Онъ заливался громкимъ смѣхомъ здороваго человѣка, разговаривалъ съ нею такъ же свободно, какъ съ любой женщиною, попадавшейся ему ночью на улицѣ, но какъ только сеансъ былъ оконченъ, и модель одѣта... маршъ на улицу! Реновалесь былъ чистъ, какъ обыкновенно всѣ сильные люди, и обожалъ нагое тѣло только какъ художникъ. Онъ стыдился животнаго прикосновенія и случайныхъ встрѣчъ безъ любви и увлеченія, съ неизбѣжной сдержанностью двухъ существъ, которые не знаютъ и подозрительно разглядываютъ другъ друга. Онъ жаждалъ только ученія, а женщины всегда служатъ помѣхой въ серьезныхъ начинаніяхъ. Избытокъ энергіи уходилъ у него на атлетическія упражненія. Послѣ какой-нибудь особенной продѣлки спортивнаго характера, приводившей его товарищей въ восторгъ, онъ чувствовалъ себя свѣжимъ, бодрымъ и крѣпкимъ, какъ послѣ ванны. Онъ фехтовался съ французскими

художниками на виллѣ Медичи, учился боксу съ англичанами и американцами, устраивалъ съ нѣмцами экскурсіи въ лѣсокъ въ окрестностяхъ Рима, о которыхъ говорилось потомъ нѣсколько дней въ кафе на Корсо. Онъ выпивалъ безконечное множество стакановъ за здоровье Kaiser'a, котораго не зналъ и которымъ нимало не интересовался, затягивалъ громовымъ голосомъ традиціонный *Gaudeamus igitur* и въ концѣ концовъ подхватывалъ на руки двухъ натурщицъ, принимавшихъ участіе въ пикникѣ и, поносивъ ихъ по лѣсу, опускалъ на траву, словно перышки. Добрые германцы, изъ которыхъ многіе были близоруки и болѣзненны, восторгались его силою и сравнивали его съ Зигфридомъ и прочими мускулистыми героями своей воинственной мифологіи, вызывая у Реновалеса лишь довольную улыбку.

На масляницѣ, когда испанцы устроили процессію изъ Донъ Кихота, Маріано взялъ на себя роль кабальеро Пентаполина «съ засученными рукавами», и сильная мускулистая рука коренастаго паладина верхомъ на лошади вызвала на Корсо громъ апплодисментовъ и крики восторга. Съ наступленіемъ весеннихъ ночей художники имѣли обыкновеніе ходить процессіей черезъ весь городъ до еврейскаго квартала, ѣсть первые артишоки – римское народное кушанье, приготовленіемъ котораго особенно славилась одна старая еврейка. Реновалесь шелъ во главѣ этой *carciofolatta* со знаменемъ въ рукахъ, распѣвая гимны, чередовавшіеся со всевозможными криками животныхъ, а товарищи слѣдовали за нимъ

съ дерзкимъ и вызывающимъ видомъ, подъ предводительствомъ такого сильнаго вожака. Съ Маріано нечего было бояться, и товарищи вполне рассчитывали на него. Въ узкомъ, кривомъ переулкѣ за Тибромъ онъ ударилъ разъ на смерть двухъ мѣстныхъ разбойниковъ, отнявъ у нихъ предварительно кинжалы.

Но вскорѣ атлетъ заперся въ академіи и пересталъ спускаться въ городъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней только и было толковъ, что объ этомъ, на собраніяхъ художниковъ. Онъ писалъ картину. Въ Мадридѣ должна была состояться въ скоромъ времени выставка, и Реновалесу хотѣлось написать для нея картину, которая показала бы, что онъ получаетъ стипендію не даромъ. Двери его мастерской были заперты для всѣхъ рѣшительно; Маріано не допускалъ къ себѣ ни совѣтниковъ, ни критиковъ. Картина должна была появиться въ Мадридѣ въ такомъ видѣ, какъ онъ самъ понималъ ее. Товарищи скоро забыли о немъ; Маріано окончилъ свою работу въ одиночествѣ и увезъ ее на родину.

Успѣхъ получился полный. Это былъ первый крупный шагъ на пути къ славѣ. Реновалесъ вспоминалъ въ послѣдствіи со стыдомъ и угрызеніями совѣсти о большомъ шумѣ, поднятомъ его огромною картиною Побѣда при Павіи. Публика толпилась передъ нею, забывая объ остальныхъ картинахъ. И ввиду того, что правительство сидѣло въ это время крѣпко, кортесы были закрыты, и на боѣ быковъ ни одинъ матадоръ не былъ серьезно раненъ, газеты, за неимѣніемъ болѣе



интереснаго матеріала, стали наперерывъ воспроизводить на своихъ страницахъ картину и портреты Реновалеса маленькіе и большіе, въ профиль и en face, наполняя цѣлые столбцы описаніями и подробностями его жизни въ Римѣ и вспоминая со слезами умиленія о бѣдномъ старикѣ, который ковалъ желѣзо въ далекой деревнѣ, ничего почти не зная о славѣ сына.

Реновалесь сразу перешель изъ мрака въ яркій свѣтъ славы. Старики — члены жюри — относились къ нему теперь благодушно, даже съ нѣкоторымъ состраданіемъ. Дикое животное укрощалось въ немъ постепенно. Реновалесь повидалъ свѣтъ и возвращался къ добрымъ старымъ традиціямъ, дѣлаясь художникомъ, какъ всѣ остальные. Въ картинѣ его были мѣста, напоминавшія Веласкеса, отрывки, достойные кисти Гойи, уголки, имѣвшіе чтото общее съ живописью Греко. Всего было здѣсь, только не было прежняго Реновалеса, и эта-то амалыама воспоминаній и ставилась ему главнымъ образомъ въ заслугу, вызывала всеобщее одобреніе и завоевала ему первую медаль.

Начало карьеры было превосходно. Одна герцогиня вдова, покровительствовавшая искусству, пожелала, чтобы ей представили Реновалеса; она никогда не покупала ни статуй ни картинъ, но приглашала къ своему столу знаменитыхъ художниковъ и скульпторовъ, находя въ этомъ дешевое удовольствіе и исполняя долгъ знатной дамы, Реновалесь поборолъ въ себѣ нелюдимость, державшую его всегда

вдали от общества. Почему бы не посмотреть ему высшего света? Чем он хуже других? И он сшил себе первый фрак. За банкетами герцогини, где он вызывал веселый смех своею манерою разговаривать с академиками, послышались приглашения в другие салоны; в течение нескольких недель он был центром внимания высшего света, несколько шокированного его нарушением салонного тона, но довольного робостью, которая являлась у него всегда после веселых выходов. Молодежь ценила его за то, что он фехтовался, как Святой Георгий; в ее глазах он был вполне приличным человеком, несмотря на то, что был художником и сыном кузнеца. Дамы старались очаровать его любезными улыбками в надежде, что модный художник почтит их бесплатным портретом, как он сдѣлал уже с герцогиней.

В эту эпоху его жизни, когда он надевал каждый вечер фрак и писал только портреты дам, которые жаждали выйти покрасивше и серьезно обсуждали с ним, какое надеть платье для позирования, он познакомился со своею будущею женою Хосефиною.

Увидя ее впервые среди болтливых дам с надменной осанкою, Реновалес почувствовал к ней влечение в силу контраста. Робкий вид, скромность и незначительная внешность молодой девушки произвели на него сильное впечатление. Она была маленького роста, лицо было привлекательно лишь свежестью молодости, фигурка – грациозно-хруп-

ка. Подобно Реновалесу, это созданіе вращалось въ высшемъ обществѣ только благодаря снисхожденію окружающихъ; она занимала, казалось, чье-то чужое мѣсто и съеживалась, словно боясь привлечь на себя вниманіе. Одѣта она была всегда въ одно и тоже нѣсколько поношенное вечернее платье, утратившее свѣжесть изъ-за постоянной передѣлки въ погонѣ за послѣдней модой. Перчатки, цвѣты, ленты выглядѣли на ней всегда какъ-то печально, словно говорили о тяжелой экономіи бережливости въ домашнемъ хозяйствѣ и прочихъ лишеніяхъ, потребовавшихся для пріобрѣтенія этихъ вещей. Хосефина была на ты со всѣми молодыми дѣвушками, блиставшими въ модныхъ салонахъ, и расхваливала съ завистью ихъ новые туалеты; мамаша ея, величественная особа съ огромнымъ носомъ и очками въ золотой оправѣ, была въ близкихъ отношеніяхъ съ самыми знатными дамами. Но несмотря на эти связи, вокругъ матери и дочери замѣчалась какая-то пустота, слегка презрительная любовь, смѣшанная съ изрядною долею состраданія. Онѣ были бѣдны. Отецъ былъ довольно извѣстнымъ дипломатомъ и не оставилъ женѣ по своей смерти никакихъ средствъ къ жизни кромѣ вдовьей пенсіи. Двое сыновей были заграницей атташе при испанскомъ посольствѣ и съ трудомъ сводили концы съ концами при крошечномъ жалованіи и большихъ расходахъ, требовавшихся ихъ положеніемъ. Мать и дочь жили въ Мадридѣ, цѣпляясь за общество, въ которомъ онѣ родились, и боясь лишиться его, какъ-будто это было равносильно уни-

женію; день онѣ проводили въ маленькой квартиркѣ третьяго этажа, мебелированной остатками бывшаго величія, а по вечерамъ выѣзжали въ свѣтъ, подвергая себя невѣроятнымъ лишеніямъ ради того, чтобы достойнымъ образомъ встрѣчаться съ тѣми, которые были прежде равны имъ.

Нѣкоторые родственники доньи Эмилиі, мамыши Хосефины, оказывали ей помощь, но не деньгами (это никогда), а избыткомъ своей роскоши, чтобы она и дочь могли представлять слабое подобіе довольства. Одни посылали имъ иногда свой экипажъ, чтобы прокатиться по аллеѣ Кастельяна и по парку Ретиро, гдѣ онѣ раскланивались съ катающимися пріятельницами; другіе давали имъ время отъ времени свою абонементную ложу въ Королевскомъ театрѣ, въ дни неинтересныхъ представлений. Состраданіе не позволяло богатымъ родственникамъ забывать о матери и дочери и передъ семейными обѣдами и другими торжествами. «Не забыть бы бѣдныхъ Торреалта...» И на слѣдующій день въ великосвѣтской хроникѣ отмѣчались въ числѣ присутствовавшихъ на торжествѣ «прелестная сеньорита де Торреалта и ея почтенная мать, вдова незабвеннаго, знаменитаго дипломата». Донья Эмилиа забывала тогда свое положеніе, воображая, что вернулись опять хорошія времена, и пролѣзала всюду въ своемъ вѣчномъ черномъ платьѣ, преслѣдуя своею навязчивостью важныхъ дамъ, горничныя которыхъ были богаче и питались лучше, чѣмъ она съ дочерью. Если какой-нибудь старый господинъ подсаживался къ ней, дипломатическая да-

ма старалась уничтожить его своими величественными воспоминаніями. «Когда мы были посланниками въ Стокгольмѣ...» или «Когда мой близкій другъ Евгенія была императрицей...»

Хосефина же, со своимъ инстинктомъ робкой дѣвушки, повидимому, лучше матери понимала свое положеніе. Она спокойно сидѣла среди пожилыхъ дамъ, разрѣшая себѣ лишь изрѣдка подходить къ молодымъ дѣвушкамъ, которыя были ея школьными подругами, но относились къ ней теперь свысока, видя въ бѣдной Хосефинѣ что-то въ родѣ компаньонки, поднявшейся до ихъ высоты только по положенію покойнаго отца. Мать сердилась на нее за робость, требуя, чтобы она много танцевала, держала себя бойко и оживленно и отпускала шутки, хотя бы даже нѣсколько смѣлая, чтобы мужчины повторяли ихъ и создали ей репутацію остроумной барышни.

Трудно вѣрилось даже, чтобы она могла быть такимъ ничтожествомъ. И это дочь великаго человѣка, вокругъ котораго тѣснились люди, какъ только онъ входилъ въ первые салоны Европы! Это дѣвушка, которая воспитывалась въ Парижѣ въ *Sacre Coeur*, говорила по-англійски, знала немного по-нѣмецки и проводила цѣлые дни за книгою, когда не надо было передѣлывать старое платье или чистить перчатки! Что она о себѣ думаетъ? Видно, ей замужъ не хочется!.. Должно быть ей живется очень хорошо въ маленькой квартирѣ въ третьемъ этажѣ, гдѣ ихъ знатный родъ влачитъ свое жалкое

существование?

Хосефина грустно улыбалась. Выйти замуж! Она была увѣрена, что не найдетъ жениха въ обществѣ, къ которому принадлежала. Всѣ знали, что она блѣдна. Молодежь искала въ салонахъ невѣсть съ приданымъ. Если кто изъ молодыхъ людей и подходилъ къ Хосефинѣ, привлеченный ея блѣдною красотою, то лишь для того, чтобы шепнуть ей на ухо дерзкія слова или попросить въ насмѣшку во время танцевъ ея руки, или предложить ей близкія отношенія съ чисто англійскою осторожностью — напримѣръ, флиртъ, безъ особенно дурныхъ послѣдствій, на который охотно идутъ дѣвушки, желающія и сохранить дѣвственность, и познать тайну физической любви, хотя бы въ извращенномъ видѣ.

Реновалесь не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, какъ началась его дружба съ Хосефиною. Можетъ-быть, здѣсь сыгралъ роль контрастъ между нимъ и маленькою женщиною, которая еле доходила ему до плеча и выглядѣла пятнадцатилѣтнею дѣвочкою, когда ей минуло уже двадцать лѣтъ. Ея нѣжный голосъ ласкалъ его слухъ; ему было смѣшно подумать, что онъ можетъ обнять это хрупкое и граціозное тѣлице; ему казалось даже, что онъ раздавилъ бы его въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ, словно восковую куклу. Маріано искалъ Хосефину всегда въ салонахъ, гдѣ появлялись мать съ дочерью, и проводилъ цѣлые вечера подлѣ молодой дѣвушки, охваченный чувствомъ братскаго довѣрія и желаніемъ сообщить ей всю свою жизнь, свое прошлое, свои надежды и труды,

словно она была товарищемъ по профессіи. Хосефина слушала, глядя на него своими сѣрыми, слегка улыбающимися глазами и утвердительно качая головою, хотя она не понимала всего, что онъ говорилъ; живой и открытый характеръ Маріано разливался, казалось, въ огненныхъ волнахъ и пріятно ласкалъ ее. Реновалесь не походилъ на тѣхъ людей, которыхъ она знала до сихъ поръ.

Замѣтивъ ихъ дружескія отношенія, кто-то — можетъ-быть, подруга Хосефины — пустилъ ради насмѣшки слухъ, что художникъ — женихъ Хосефины Торреалта. Тогда только оба они поняли, что молча любятъ другъ друга. Не братская дружба побуждала Реновалеса проходить по той улицѣ, гдѣ жила Хосефина, и глядѣть вверхъ въ надеждѣ увидѣть у окна ея стройную фигурку. Однажды въ домѣ герцогини, очутившись съ Хосефиною наединѣ въ корридорѣ, Реновалесь схватилъ ее за руку и такъ робко поднесъ руку къ губамъ, что онѣ еле прикоснулись къ перчаткѣ. Онъ самъ испугался этой дерзости, стыдясь своей силы и боясь причинить боль такому нѣжному и слабому созданію. Хосефина могла свободно положить конецъ этой дерзости самымъ слабымъ движеніемъ, но вмѣсто этого не только не отняла руки, а опустила голову и расплакалась.

— Какой вы добрый, Маріано!

Она чувствовала къ нему глубокую благодарность, встрѣтивъ впервые искреннюю, хорошую любовь, и притомъ со стороны человѣка, который пользовался извѣстною сла-

вою и, избѣгая общества счастливыхъ женщинъ, обратился къ ней, робкой и всѣми забытой. Чувство любви, не находившее исхода во время одинокой и угнетенной жизни, накипѣло въ ея душѣ и излилось на Реновалеса. О, какою горячею взаимностью отвѣчала она тому, кто любилъ ее и вывелъ изъ тяжелаго состоянія прозябанія, поднявъ, благодаря своей силѣ и любви, до уровня презиравшихъ ее людей!

Знатная вдова де Торреалта возмутилась сперва, узнавъ о сдѣланномъ ея дочери предложеніи. «Сынъ кузнеца! Знаменитый дипломатъ незабвенной памяти!..» Но гордый протестъ какъ бы открылъ ей глаза на истинное положеніе вещей, и она вспомнила, сколько лѣтъ тщетно вывозила дочь въ свѣтъ. Дураки мужчины! Она подумала также о томъ, что знаменитый художникъ — важная персона, вспомнила про статьи, посвященные послѣдней картинѣ Реновалеса, а главное, что было особенно убѣдительно для нея, приняла къ свѣдѣнію богатства, сыпавшіяся на художниковъ за границую, и сотни тысячъ франковъ, уплачиваемые за картинку, которую можно было унести подъ мышкой. Почему не могъ Реновалесъ попасть въ число этихъ счастливецъ?..

Донья Эмилиа начала приставать ко всѣмъ своимъ безчисленнымъ родственникамъ. У дѣвочки не было отца, и они должны были замѣнить его теперь. Одни отвѣчали ей равнодушно. «Художникъ! Гм... Ну, что же?» давая ей понять, что такой мужъ былъ ничѣмъ не лучше таможеннаго досмотрщика. Другіе невольно оскорбляли ее своимъ плотнѣйшимъ



одобреніємъ. «Реновалесь? Художникъ съ великимъ будущимъ? Чего же тебѣ еще? Ты должна радоваться, что онъ обратилъ вниманіе на твою дочь». Но убѣдительное всего было для доньи Эмилиіи совѣтъ ея знатнаго родственника маркиза де Тарфе, котораго она уважала, какъ перваго человѣка въ государствѣ, несомнѣнно за то, что онъ былъ вѣчнымъ начальникомъ испанскихъ дипломатовъ, занимая чуть ли не каждые два года постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

— По-моему, это дѣло разумное, — сказалъ великій человѣкъ торопливо, такъ какъ его ждали въ сенатѣ. — Это современный бракъ, а надо жить соотвѣтственно своему времени. Я — консерваторъ, но либеральный, очень либеральный и вполнѣ современный человѣкъ. Я позабочусь о молодыхъ, мнѣ нравится этотъ бракъ. Искусство соединяетъ свою славу съ великимъ историческимъ именемъ! Народная кровь поднимается, благодаря своимъ заслугамъ, до сліянія со старинною знатію.

Маркизь де Тарфе, титулъ котораго не насчитывалъ и полувѣка, положилъ своею образною рѣчью сенатскаго оратора и обѣщаніемъ позаботиться о молодыхъ конецъ колебаніямъ надменной вдовы. Она первая заговорила съ Реновалесомъ, понимая, насколько тяжело ему объясненіе съ матерью невѣсты, принадлежавшей не къ его кругу.

— Я все знаю, Маріано, и согласна на этотъ бракъ.

При этомъ донья Эмилиа предпочитала, чтобы свадьба состоялась поскорѣе. Когда онъ думаетъ вѣнчаться? Реновале-

съ жаждалъ этого брака гораздо болѣе, чѣмъ мать. Хосефина была непохожа, по его мнѣнію, на остальныхъ женщинъ, которыя почти не возбуждали въ немъ животнаго чувства. Цѣломудріе упорнаго труженика перешло въ лихорадочное возбужденіе и въ жажду поскорѣе обладать этою очаровательною куклою. Кромѣ того этотъ бракъ льстилъ его самолюбію. Невѣста была бѣдна, и все приданое ея состояло изъ нѣсколькихъ тряпокъ, но она принадлежала къ роду грандовъ, изъ которыхъ одни были министрами, другіе генералами и всѣ были титулованными особами. Немало тоннъ вѣсили короны и гербы безчисленныхъ родственниковъ, которые не обращали большого вниманія на Хосефину и ея мать, но должны были въ скоромъ времени стать и его родственниками. Что подумалъ бы сеньоръ Антонъ, куя желѣзо въ своей далекой кузницѣ? Что сказали бы завистливые товарищи въ Римѣ, которые жили обыкновенно внѣ брака съ сіюсіага'ми, служившими имъ моделями, и вѣнчались съ ними въ концѣ-концовъ изъ страха передъ кинжаломъ почтеннаго калабрійца, который желалъ во что бы то ни стало дать своему внуку законнаго отца.

Въ газетахъ много писалось про этотъ бракъ, и повторялись съ легкими варіантами слова маркиза де Тарфе: «Искусство соединяется со знатію». Реновалесь желалъ уѣхать съ Хосефиною сейчасъ же послѣ свадьбы въ Римъ. Онъ сдѣлалъ тамъ всѣ нужныя приготовленія къ новой жизни, вложивъ въ нихъ нѣсколько тысячъ песетъ, полученныхъ отъ прави-

тельства за картину и за нѣсколько портретовъ для сената, написанныхъ по заказу будущаго знаменитаго родственника — маркиза де Тарфе.

Одинъ изъ римскихъ пріятелей Реновалеса (милѣйшій Котонеръ) нанялъ для молодыхъ квартиру на улицѣ Маргутта и меблировалъ ее соотвѣтственно указаніямъ художника. Донья Эмилиа оставалась въ Мадридѣ съ однимъ изъ своихъ сыновей, перешедшимъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Молодыхъ стѣсняетъ присутствіе даже матери. И донья Эмилиа смахивала кончикомъ перчатки незамѣтную слезинку съ глазъ. Вдобавокъ ей не хотѣлось возвращаться въ страну, гдѣ она играла извѣстную роль; она предпочитала оставаться въ Мадридѣ, гдѣ многіе знали ее.

Свадьба Хосефины была крупнымъ событіемъ. Родня ея собралась въ полномъ составѣ; никто не посмѣлъ не явиться на назойливое приглашеніе знатной вдовы, составившей списокъ родственниковъ до шестого колѣна.

Сеньоръ Антонъ пріѣхалъ въ Мадридъ за два дня до свадьбы, одѣтый въ новое платье — короткіе штаны и мохнатую шляпу съ широкими полями; онъ испуганно глядѣлъ на всѣхъ этихъ людей, смотрѣвшихъ на него съ улыбкою, какъ на любопытный типъ. Въ присутствіи же Хосефины съ матерью онъ стоялъ, дрожа, съ опущенною головою, называя неvěстку «сеньоритою»<sup>а</sup>, съ почтительностью стараго крестьянина.

— Нѣтъ, папа, называйте меня дочерью. Говорите мнѣ ты.

Но несмотря на простоту Хосефины и нѣжную благодарность, которую онъ чувствовалъ къ ней за горячую любовь къ сыну, свѣтившуюся въ ея глазахъ, старикъ не осмѣливался говорить невѣсткѣ ты и дѣлалъ величайшія усилія, чтобы изгнать этой опасности, разговаривая съ нею всегда въ третьемъ лицѣ.

Донья Эмилиа со своею надменною осанкою и золотыми очками внушала ему еще больше страха. Онъ называлъ ее не иначе, какъ «сеньора маркиза», такъ какъ не могъ повѣрить, по простотѣ душевной, чтобы эта важная дама не была по крайней мѣрѣ маркизою. Вдова была нѣсколько обезоружена такою честью и, продолжая считать его простякомъ, признавала, что онъ довольно симпатичный человѣкъ, и терпѣла его потѣшные короткіе штаны.

Когда же сеньоръ Антонъ, стоя въ дверяхъ часовни во дворцѣ маркиза де Тарфе, гдѣ происходило вѣнчаніе, обвелъ взоромъ всѣхъ нарядныхъ гостей, собравшихся на свадьбу его сына, бѣдный старикъ залился слезами.

— Теперь я могу спокойно умереть. Господи! Теперь я могу умереть.

И онъ повторялъ свое печальное желаніе, не обращая вниманія на смѣхъ лакеевъ, какъ будто счастье послѣ трудовой жизни было для него вѣрнымъ предвѣстникомъ близкой смерти.

Молодые уѣхали въ Римъ сейчасъ же послѣ вѣнчанія. Сеньоръ Антонъ впервые поцѣловалъ свою невѣстку въ лобъ,

оросивъ его слезами, и вернулся въ свою кузницу, повторяя желаніе умереть, какъ будто ему ничего было ждать больше отъ жизни.

Реновалесь прїѣхалъ съ женою въ Римъ, остановившись по дорогѣ нѣсколько разъ. Но короткія остановки въ городахъ Ривьеры и два-три дня, проведенные въ Пизѣ и во Флоренціи показались имъ, несмотря на прїятныя воспоминанія о первой близости, невыносимо вульгарными въ сравненіи съ жизнью въ прелестной римской квартиркѣ. Здѣсь, у собственнаго очага начался для нихъ настоящій медовый мѣсяцъ, вдали отъ назойливыхъ людей и суеты шумныхъ отелей.

Хосефина, привыкшая къ тайнымъ лишеніямъ и бѣдной жизни въ третьемъ этажѣ, гдѣ онѣ жили съ матерью, словно на бивуакахъ, приберегая весь внѣшній блескъ для улицы, была въ восторгѣ отъ изящной и кокетливой маленькой квартирки на улицѣ Маргутта. Прїятель Маріано, нѣкій Пепе Котонерь, художникъ, который почти не бралъ въ руки кисти и тратилъ весь свой художественный энтузіазмъ на восхищеніе Реновалесомъ, хорошо исполнилъ данное ему порученіе.

Хосефина дѣтски-радостно захлопала въ ладоши при видѣ спальни; роскошная венеціанская мебель съ инкрустаціями изъ перламутра и чернаго дерева привела ее въ восторгъ. Это была царская роскошь, купленная художникомъ въ разсрочку.

О, первая ночь ихъ пребыванія въ Римѣ! Какъ глубоко врѣзалась она въ памяти Маріано! Растянувшись на мону-

ментальной венеціанской кровати, Хосефина наслаждалась отдыхомъ послѣ утомительнаго пути, потягиваясь всѣмъ тѣломъ прежде чѣмъ закрыться тонкою простынею, съ непринужденностью женщины, которой нечего больше скрывать. Розовые пальцы ея маленькихъ, пухлыхъ ножекъ тихонько шевелились, словно призывая Реновалеса.

А онъ стоялъ у ея кровати, нахмурившись, и глядѣлъ на нее съ серьезнымъ видомъ, буруемый однимъ желаніемъ, котораго онъ не рѣшался высказывать.

Ему хотѣлось видѣть ее обнаженною, любоваться ея тѣломъ; онъ еще не зналъ ея послѣ ночей проведенныхъ въ гостиницахъ, гдѣ слышались за перегородками чужіе голоса.

Это была не прихоть влюбленнаго, а желаніе художника; глаза его жаждали увидѣть ея красоту.

Она противилась, покраснѣвъ и слегка возмущаясь этимъ требованіемъ, которое оскорбляло въ ней чувство стыдливости.

— Не будь сумасшедшимъ, Маріанито. Ложись, не говори глупостей.

Но желаніе росло въ немъ, и онъ упорно настаивалъ на своемъ. Она должна была побороть въ себѣ буржуазные принципы, искусство не признавало такой стыдливости, человѣческая красота была создана для того, чтобы сіять во всемъ своемъ величіи, а отнюдь не скрываться и жить въ презрѣніи и проклятіи.

Онъ не собирався писать съ Хосефины картину и не

смѣлъ даже просить объ этомъ; онъ жаждалъ только видѣть ея обнаженное тѣло и любоваться имъ, безо всякихъ грубыхъ желаній, съ благоговѣйнымъ чувствомъ обожанія.

И его огромныя руки, сдерживаемыя страхомъ сдѣлать ей больно, нѣжно старались разъединить ея скрещенныя на груди руки, которыя противились его усиліямъ. Хосефина смѣялась: «Сумасшедшій! Оригиналъ! Ты же щекочешь меня... ты же дѣлаешь мнѣ больно». Но въ концѣ концовъ, побѣжденная его упорствомъ и удовлетворенная въ женскомъ самолюбіи этимъ поклоненіемъ ея тѣлу, она уступила и позволила дѣлать съ собою все, какъ ребенокъ, переставъ сопротивляться и издавая лишь тихіе стоны, словно ее подвергали пыткамъ.

Обнаженное тѣло заблестало перламутровою бѣлизною. Хосефина закрыла глаза, какъ-будто желая скрыться отъ стыда. На бѣлой простынѣ выдѣлялись блѣдно-розовыя, гармоничныя округлости, опьяняя глаза художника своею красотою.

Лицо Хосефины не преоставляло ничего особеннаго. Но тѣло ея! О, если бы онъ могъ побѣдить когда-нибудь ея предразсудки и написать это чудное тѣло!..

Не открывая попрежнему глазъ, какъ будто это нѣмое обожаніе утомляло ее, маленькая женщина заложила руки за голову и выгнулась туловищемъ, приподнявъ бѣлыя округлости на груди.

Реновалесь опустился у постели на колѣни въ порывѣ вос-

торга, въ пылу художественнаго энтузіазма, цѣлуя роскошное тѣло, но не подѣ вліяніемъ животнаго чувства.

– Я обожаю тебя, Хосефина. Ты хороша, какъ Венера. Нѣтъ, не Венера. Она холодна и спокойна, какъ богиня, а ты женщина. Ты похожа... на кого же ты похожа?.. Да, именно такъ. Ты – маленькая Обнаженная Гойи, съ ея нѣжною граціей, мініатюрная, обаятельная. Ты – Обнаженная!



### III

Жизнь Реновалеса измѣнилась. Онъ былъ влюбленъ въ жену, боялся, какъ бы она не почувствовала въ чемъ нибудь недостатка, и съ бѣзпокойствомъ думалъ о вдовѣ Торреалта, которая могла выразить сожалѣніе по поводу того, что дочь «знаменитаго дипломата незабвенной памяти» несчастна, снизойдя до брака съ художникомъ; все это заставляло его упорно работать, чтобы поддержать комфортъ, которымъ онъ окружилъ Хосефину.

И Реновалесь, относившійся прежде съ презрѣніемъ къ искусству, какъ ремеслу, и къ живописи за деньги, которую занимались его товарищи по профессіи, сталъ подражать имъ, но съ усердіемъ и горячностью, свойственными ему во всѣхъ начинаніяхъ. Этотъ неутомимый конкурентъ, скандально понижавшій цѣны на картины, вызвалъ въ нѣкоторыхъ мастерскихъ громкій протестъ. Онъ продалъ свою кисть на годъ одному изъ евреевъ торговцевъ, вывозившихъ картины за границу, подъ условіемъ полученія опредѣленной суммы съ каждой написанной имъ картины и полного отказа отъ своего права работать для другихъ коммерсантовъ. Реновалесь работалъ съ утра до вечера, мѣняя сюжеты по требованію того, котораго онъ называлъ своимъ антрепренеромъ. «Хватить сіюсіагі, пишите теперь мавровъ». Затѣмъ мавры теряли цѣнность на рынкѣ, и въ моду входили мушкетеры,

дерущіеся на дуэли, румяные пастушки *a la Watteau* или дамы въ напудренныхъ парикахъ, усаживающіеся въ золотую гондолу подъ звуки гитаръ. Для большаго разнообразія Реновалесъ писалъ иногда сцены въ церкви съ массою вышитыхъ хоругвей и золоченыхъ кадилъ или какую-нибудь вакханалію, подражая на память и безъ моделей очаровательнымъ округлостямъ и янтарнымъ тѣламъ фигуръ Тиціана. Когда каталогъ былъ исчерпанъ, сіюсіагі снова входили въ моду, и Реновалесъ начиналъ сначала. Благодаря необычайной легкости исполненія, ему удавалось писать по двѣ-три картинки въ недѣлю. Антрепренеръ навѣщалъ его часто для подбодренія и слѣдилъ за ходомъ его кисти съ энтузіазмомъ чело-вѣка, который цѣнитъ искусство по столько-то за дюймъ и за часъ. Всѣ его разговоры съ Реновалесомъ имѣли лишь цѣлью поднять въ немъ бодрость.

Послѣдняя вакханалія, написанная Реновалесомъ, находилась въ нарядномъ *bag'ф* въ Нью-Іоркѣ. Его процессія въ Абруццскихъ горахъ была куплена для одного изъ наиболѣе аристократическихъ домовъ Россіи. Другая картина, изобразившая танецъ маркизъ, переодѣтыхъ пастушками, на лугу съ фіалками, находилась въ рукахъ одного барона, еврейскаго банкира во Франкфуртѣ... Торговецъ потиралъ руки и сообщалъ обо всемъ этомъ Реновалесу съ покровительственнымъ видомъ. Имя художника становилось все извѣстнѣе, благодаря ему, и онъ собирался сдѣлать все для созданія Реновалесу всемірной репутаціи. Корреспонденты

уже писали ему, прося присылать только произведенія сеньора Реновалеса, потому что они пользовались наилучшимъ сбытомъ на рынкѣ. Но Маріано отвѣчалъ антрепренеру рѣзко, и въ этой рѣзкости выливалась вся горечь художника. Всѣ эти картины – одно свинство. Если искусство состоитъ въ такой мазнѣ, лучше уже бить щебенъ на большой дорогѣ.

Но весь этотъ протестъ противъ униженія его кисти исчезалъ при видѣ Хосефимы, которая обставляла и украшала маленькую квартирку, обращая ее въ прелестное гнѣздышко, достойное его любви. Она чувствовала себя счастливою въ этой очаровательной квартиркѣ, пользуясь роскошнымъ экипажемъ и полною свободою въ отношеніи своихъ туалетовъ и драгоценностей Супруга Реновалеса не знала недостатка ни въ чемъ рѣшительно; въ ея распоряженіи находился даже, въ качествѣ совѣтника и вѣрнаго слуги, добрый Котонеръ, проводившій ночи въ крошечной комнаткѣ дешеваго квартала, служившей ему мастерскою, а все остальное время – въ квартирѣ молодыхъ. Хосефина неограниченно распоряжалась деньгами; она никогда не видала столько денегъ сразу. Когда Реновалесъ передавалъ ей пачку полученныхъ отъ антрепренера кредитныхъ бумажекъ, она весело кричала: «Ахъ, денныи, денежки!» и бѣжала спрятать ихъ, съ прелестною улыбкою дѣловой и экономной хозяйки, а на слѣдующій день вынимала денныи и тратила ихъ съ дѣтскою безсознательностью. Какое великое дѣло живопись! Ея знаменитый отецъ (несмотря на увѣренія мамыши) никогда не

зарабатывать столько денегъ, переѣзжая отъ одного двора къ другому въ качествѣ представителя своего короля.

Пока Реновалесь писалъ въ мастерской, Хосефина ѣздила кататься въ своемъ ландо въ Пинчіо, раскланиваясь съ безчисленными посланницами, живущими въ Римѣ, съ нѣкоторыми дамами изъ аристократіи, которыя останавливались проѣздомъ на нѣсколько дней въ великомъ городѣ и были представлены Хосефинѣ въ какой нибудь модной гостиной, и со всею тучею дипломатовъ, жившихъ при двухъ дворахъ — Ватиканѣ и Квириналѣ.

Реновалесь былъ введенъ женою въ міръ высшаго изящества. Племянница маркиза де Тарфе, вѣчнаго испанскаго министра была принята съ распростертыми объятіями въ высшее римское общество, самое тонное въ Европѣ. Ни одно торжество въ обоихъ испанскихъ посольствахъ не проходило безъ того, чтобы на немъ не фигурировали «знаменитый художникъ Реновалесь со своею элегантною супругою»; вскорѣ эти приглашенія распространились и на другія посольства. Рѣдкій вечеръ проходилъ безъ выѣзда въ свѣтъ. Въ виду того, что дипломатическихъ центровъ было два — одинъ, группировавшійся вокругъ итальянскаго короля, и другой, преданный Ватикану, пріемы и вечера слѣдовали одинъ за другимъ почти непрерывно въ этомъ особомъ мірѣ, который собирался каждый вечеръ, удовлетворяясь самимъ собою для полученія полного удовольствія.

Когда Реновалесь возвращался подъ вечеръ домой, уста-

лый отъ работы, Хосефина ждала его уже полуодѣтая, а знаменитый Котонеръ помогаль ему натягивать парадный фракъ.

— А орденъ! — кричала Хосефина, видя мужа во фракѣ. — Господи, какъ это ты забываешь всегда орденъ! Ты же знаешь, что тамъ у всѣхъ есть что нибудь на груди.

Котонеръ немедленно отправлялся за большимъ крестомъ, который испанское правительство пожаловало Реновалесу за его картину и, надѣвъ на грудь ленту, и воткнувъ въ петлицу фрака блестящую розетку, художникъ уѣзжалъ съ женою изъ дому, чтобы провести вечеръ среди дипломатовъ, знаменитыхъ путешественниковъ и племянниковъ кардиналовъ. Его товарищи по профессіи бѣсились отъ зависти, видя, какъ часто навѣщаютъ Реновалеса въ мастерской испанскіе посланники, консуль и разныя лица, причастныя къ Ватикану. Они отрицали въ немъ художественный талантъ, приписывая это вниманіе важныхъ людей положенію Хосефины, и называли его карьеристомъ и льстецомъ, предполагая, что онъ женился по расчету. Однимъ изъ его наиболѣе усердныхъ посѣтителей былъ отецъ Рековеро, представитель одного монашескаго ордена, игравшаго въ Испаніи большую роль; онъ представлялъ изъ себя что-то въ родѣ посланника въ рясѣ и пользовался большимъ вліяніемъ при папскомъ дворѣ. Когда его не было въ мастерской, Реновалесъ твердо зналъ, что отецъ Рековеро сидитъ у него дома или исполняетъ какое нибудь порученіе Хосефины, которая гордилась

своею дружною съ этимъ вліятельнымъ монахомъ, жизнерадостнымъ и претенціозно-элегантнымъ, несмотря на свой грубый нарядъ. У супруги Реновалеса всегда находились для монаха порученія, такъ какъ подружки засыпали ее изъ Мадрида всевозможными просьбами.

Вдова Торреалта много способствовала этому, рассказывая направо и налево о высокомъ положеніи, которое дочь ея занимала въ Римѣ. Маріанито зарабатывалъ милліоны, по ея словамъ; Хосефина слыла близкимъ другомъ папы, домъ ея былъ полонъ кардиналовъ, а самъ великій отецъ не навѣщалъ ее только по той причинѣ, что бѣдняжка не выходилъ изъ Ватикана. Супругъ художника постоянно приходилось посылать въ Мадридъ какія нибудь четки изъ гробницы Святого Петра или реликвіи, извлеченныя изъ катакомбъ. Онъ то просила отца Рековеро, чтобы онъ похлопоталъ о разрѣшеніи на бракъ, представлявшемъ какія нибудь затрудненія, то интересовалась прошеніями разныхъ набожныхъ дамъ, пріятельницъ ея матери. Большія торжества римской церкви приводили ее въ восторгъ своею театральною пышностью, и она была очень благодарна щедрому монаху за то, что онъ никогда не забывалъ о ней и оставлялъ ей хорошее мѣсто. Хосефина не пропускала ни одного пріема паломниковъ въ соборъ Святого Петра съ триумфальною процессіей, гдѣ папу несли на роскошныхъ носилкахъ подъ опахалами изъ перьевъ. Иной разъ добрый монахъ сообщалъ ей съ таинственнымъ видомъ, что на слѣдующій день будетъ пѣть Пал-

лестри, знаменитый кастратъ папскаго хора, и испанка вставала на разсвѣтъ, оставляя мужа въ постели, чтобы слышать высокій и нѣжный голосъ папскаго евнуха, безбородое лицо котораго красовалось въ окнахъ магазиновъ среди портретовъ модныхъ балеринъ и теноровъ.

Реновалесь добродушно смѣялся надъ безчисленными занятіями и пустыми развлеченіями жены. Бѣдняжка! Надо же ей жить весело, на то онъ и работаетъ. Достаточно того, что онъ можетъ выѣзжать съ нею вмѣстѣ только по вечерамъ. Днемъ онъ довѣрялъ ее вѣрному Котонеру, который ходилъ за Хосефиною всюду, какъ пажъ,нося пакеты, когда она выходила за покупками, и исполняя обязанности дворецкаго, а иногда и повара.

Реновалесь познакомился съ нимъ по пріѣздѣ въ Римъ. Котонеръ былъ его лучшимъ другомъ. Несмотря на то, что Реновалесь былъ моложе его на десять лѣтъ, Котонеръ относился къ нему съ обожаніемъ, какъ ученикъ къ маэстро, и любилъ его, какъ старшій братъ. Весь Римъ зналъ его, смѣяся надъ его картинами (когда онъ занимался живописью, что, впрочемъ, случалось довольно рѣдко) и цѣня въ немъ искреннюю услужливость, которая извиняла въ нѣкоторой степени его паразитную жизнь. Этотъ полный, лысый человѣчекъ маленькаго роста, съ торчащими ушами, безобразный, какъ веселый и добродушный сатиръ, этотъ сеньоръ Котонеръ всегда находилъ лѣтомъ пріютъ въ замкѣ какого-нибудь кардинала въ окрестностяхъ Рима. Зимой онъ постоянно по-

казывался на Корсо, одѣтый въ зеленую крылатку, размахивая широкими рукавами, какъ летучая мышь крыльями. Онъ началъ свою карьеру на родинѣ въ качествѣ пейзажиста, но захотѣлъ писать людей, стать равнымъ знаменитымъ художникамъ, и попалъ неожиданно въ Римъ съ епископомъ изъ родного города, считавшимъ его міровымъ талантомъ. Съ тѣхъ поръ онъ не выѣзжалъ ни разу изъ великаго Рима. Успѣхи онъ сдѣлалъ тамъ огромные. Онъ зналъ біографіи и имена всѣхъ художниковъ; никто не могъ сравниться съ нимъ въ отношеніи познаній, какъ можно устроиться въ Римѣ экономно и гдѣ купить вещи дешевле всего. Ни одинъ испанецъ не проѣзжалъ черезъ великій городъ безъ того, чтобы Котонеръ не явился къ нему съ визитомъ. Дѣти знаменитыхъ художниковъ смотрѣли на него, какъ на старую нянюшку, потому что онъ таскалъ ихъ вѣчно на рукахъ. Величайшимъ событіемъ въ его жизни было то, что онъ фигурировалъ въ кавалькадѣ донъ Кихота въ роли Санчо Панса. Котонеръ писалъ только портреты папы римскаго въ трехъ размѣрахъ и ставилъ ихъ въ своей жалкой коморкѣ, служившей ему одновременно спальней и мастерской. Его пріятели кардиналы, которыхъ онъ часто навѣщалъ относились къ бѣдному синьору Котонеру съ состраданіемъ и покупали у него за нѣсколько лиръ портретъ папы, невѣроятно безобразный, даря его какой-нибудь деревенской церкви, гдѣ картина вызвала всеобщій восторгъ, потому что была писана въ Римѣ и притомъ другомъ-пріателемъ его святѣйшества.



Такая продажа озаряла Котонера радостью; онъ являлся въ этихъ случаяхъ въ мастерскую Реновалеса съ гордымъ видомъ и искусственно скромною улыбкою.

— Я продалъ картину, голубчикъ. Папа... и большой. Въ два метра высоту.

Въ немъ сразу вспыхивала вѣра въ свой талантъ, и онъ начиналъ говорить о своей будущности. Другіе жаждали успѣха на выставкахъ и медалей, но онъ былъ скромнѣе. Онъ довольствовался тѣмъ, что старался угадать, кто будетъ папой ло смерти теперешняго, и писалъ его портреты дюжинами авансомъ. Какой получился бы успѣхъ, если бы онъ выпустилъ свой товаръ на рынкѣ на слѣдующій же день послѣ Конклава. Это дало бы ему цѣлое состояніе! Зная прекрасно всѣхъ кардиналовъ, онъ перебиралъ въ умѣ всю священную коллегію, словно номера въ лоттерей, стараясь заранѣе угадать, на чью долю изъ полдюжины членовъ ея выпадеть папская тіара.

Котонеръ жилъ, какъ паразитъ, среди важныхъ персонъ церкви, но былъ равнодушенъ къ религіи, какъ будто постоянная близость къ слугамъ ея искоренила въ немъ всю вѣру. Старецъ въ бѣломъ одѣяніи и остальные господа въ красномъ внушали ему уваженіе, потому что были богаты и служили косвеннымъ образомъ его жалкому портретному ремеслу. Весь его восторгъ выливался на Реновалеса. Онъ сносилъ унизительныя шутки художниковъ съ мирною улыбкою чловѣка, довольнаго всѣмъ на свѣтѣ, но никому не разрѣша-

лось дурно отзываться въ его присутствіи о Реновалесѣ или критиковать его талантъ. По мнѣнію Котонера, одинъ только Реновалесъ могъ писать истинные шедевры, и слѣпое обожаніе побуждало его наивно восхищаться маленькими картинками, которыя Реновалесъ писалъ для своего антрепренера.

Хосефина являлась иногда неожиданно въ мастерскую мужа и болтала съ нимъ въ то время, какъ онъ работалъ, или расхваливала картины, сюжетъ которыхъ былъ ей по душѣ. Она предпочитала заставить его въ такихъ случаяхъ одного, рисующимъ изъ головы или въ лучшемъ случаѣ съ помощью нѣсколькихъ тряпокъ, наброшенныхъ на манекенъ. Она чувствовала нѣкоторое отвращеніе къ натурщицамъ, и Реновалесъ тщетно пытался убѣдить ее въ необходимости ихъ для работы. Онъ былъ достаточно талантливъ, по ея мнѣнію, чтобы писать красивыя картины, не прибѣгая къ помощи этихъ простыхъ мужиковъ, и особенно женщинъ — нечесанныхъ бабъ съ огненными глазами и волчьими зубами, которыя внушали Хосефинѣ страхъ въ тихомъ уединеніи мастерской, Реновалесъ смѣялся. Какія глупости! Ревнивая! Неужели могъ онъ думать съ палитрою въ рукѣ о чемъ-нибудь иномъ кромѣ своей работы.

Однажды вечеромъ, войдя неожиданно въ мастерскую, Хосефина увидѣла на эстрадѣ для натурщицъ голую женщину, лежавшую на мѣхахъ; Реновалесъ писалъ желтоватыя округлости ея нагого тѣла. Хосефина сжала губы и сдѣлала

видъ, что не замѣтила натурщицы, разсѣянно глядя на Реновалеса, который объяснялъ ей это нововведеніе. Онъ писалъ вакханалію и не могъ обойтись безъ модели. Это было необходимо, такъ какъ нагое тѣло нельзя писать наизусть. Натурщицѣ, спокойно лежавшей передъ художникомъ, стало стыдно своей наготы въ присутствіи этой нарядной дамы; она закуталась въ мѣха и, скрывшись за ширмою, быстро одѣлась.

Реновалесь окончательно успокоился по возвращеніи домой, гдѣ жена встрѣтила его, ио обыкновенію, ласково, словно совершенно забыла недавнюю непріятность. Онъ посмѣялся со знаменитымъ Котонеромъ, побываль съ женой послѣ обѣда въ театрѣ и, ложась поздно вечеромъ спать, не помнилъ совершенно о неожиданной сценѣ въ мастерской. Онъ засыпаль уже, когда его испугаль тяжелый, протяжный вздохъ, какъ-будто кто-то задыхался рядомъ съ нимъ.

Реновалесь зажегъ лампу и увидѣль, что Хосефина, вытираетъ льющіяся ручьемъ слезы; грудь ея судорожно вздымалась, и она била по кровати ногами, какъ капризная дѣвчонка, скинувъ на полъ роскошную перину.

— Я не хочу! Я не хочу! — стонала она тономъ протеста.

Художникъ въ тревогѣ соскочилъ съ постели, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ и не зная, что дѣлать, пробуя отвести ея руки отъ глазъ, но уступая ея нервнымъ движеніямъ, несмотря на свою силу.

— Но что съ тобою? Чего ты хочешь? Что съ тобою?

Она продолжала стонать, ворочаясь въ постели и бѣшено

ерзая ногами.

— Оставь меня! Я не желаю тебя... Не трогай меня... Я не допущу этого, нѣтъ, сеньоръ, я не допущу этого. Я уѣду... уѣду жить къ матери.

Испуганный бѣшенымъ настроеніемъ тихой и нѣжной женщины, Реновалесъ не зналъ, что предпринять для ея успокоенія. Онъ бѣгалъ въ одной рубашкѣ по спальнѣ и сосѣдней уборной, оставляя открытыми свои атлетическіе мускулы, предлагалъ ей воды, хватая въ испугѣ флаконы съ духами, какъ-будто они могли успокоить ее, и въ концѣ концовъ опустился передъ нею на колѣни, пытаясь поцѣловать судорожно сведенныя руки, которыя отталкивали его, путаясь въ бородѣ и волосахъ.

— Оставь меня... Говорю тебѣ, оставь меня. Я вижу, что ты не любишь меня. Я уѣду.

Художникъ былъ испуганъ и изумленъ неожиданною нервностью своей обожаемой куклки; онъ не рѣшался дотронуться до нея изъ боязни причинить ей боль... Какъ только взойдетъ солнце, она уѣдетъ изъ этого дома навсегда! Мужъ не любитъ ея, одна мамаша попрежнему любить ее. Художникъ пробовалъ устыдить жену... Эти безсвязныя жалобы, безъ объясненія причины, продолжались очень долго, пока художникъ не сообразилъ въ чемъ дѣло. Такъ это изъ-за натурщицы?.. изъ-за голой женщины? Да, именно. Она не желала, чтобы въ мастерской, т. е. почти у нея дома, показывались въ неприличномъ видѣ безстыжія бабы. И протестуя

противъ этихъ безобразій, она рвала на себя судорожными руками рубашку, обнажая прелестную грудь, которая приводила Реновалеса въ восторгъ.

Несмотря на крики и слезы жены, расшатавшіе его нервы, художникъ не могъ удержаться отъ смѣха, узнавъ причину всего горя.

... — Ахъ, такъ это все изъ-за натурщицы?.. Будь спокойна, голубушка. Ни одна женщина не войдетъ больше въ мою мастерскую. Онъ обѣщалъ Хосефинѣ все, чего она требовала, чтобы только успокоить ее. Когда въ комнатѣ стало опять темно, она все-таки продолжала вздыхать; но теперь она лежала въ объятіяхъ мужа, положивъ голову ему на грудь и разговаривая капризнымъ тономъ огорченной дѣвочки, которая оправдывается послѣ вспышки гнѣва. Маріано ничего не стоило доставить ей удовольствіе.

Она очень любила его и могла бы любить еще сильнѣе, если бы онъ уважалъ ея предразсудки. Онъ могъ называть ее мѣщанкою, и некультурною душою, но она желала оставаться такою, какъ была всегда. Кромѣ того къ чему ему писать голыхъ женщинъ? Развѣ нѣтъ другихъ сюжетовъ? И Хосефина совѣтовала ему писать дѣтей въ безрукавкахъ и лаптяхъ, играющихъ на дудочкѣ, кудрявыхъ и пухлыхъ, какъ младенецъ Іисусъ, или старыхъ крестьянокъ съ морщинистыми и смуглыми лицами, или лысыхъ старцевъ съ длинною бородою, или жанровыя картинки, но отнюдь не молодыхъ женщинъ или какихъ-нибудь голыхъ красавицъ. Реновалесь обѣ-

щаль ей все рѣшительно, прижимая къ себѣ очаровательное тѣло, продолжавшее еще вздрагивать и нервно трепетать послѣ вспышки гнѣва. Они жались другъ къ другу съ нѣкоторою тревогою, желая забыть все случившееся, и ночь окончилась для Реновалеса тихо и пріятно подъ впечатлѣніемъ полного примиренія.

Когда наступило лѣто, они наняли въ Капель-Гандольфо маленькую виллу. Котонеръ уѣхалъ въ Тиволи въ хвостѣ свиты одного кардинала, и молодые поселились на дачѣ въ обществѣ лишь двухъ прислугъ и одного лакея, который убиралъ мастерскую Реновалеса.

Хосефина была довольна этимъ одиночествомъ, вдали отъ Рима; она разговаривала съ мужемъ, когда ей хотѣлось, и не тяготилась постояннымъ безпокойствомъ, не покидавшимъ ее, пока онъ работалъ въ мастерской. Реновалесъ бездѣльничалъ и отдыхалъ цѣлый мѣсяцъ. Онъ забылъ, казалось, о своемъ искусствѣ; ящики съ красками, мольберты и всѣ художественныя принадлежности, привезенныя изъ Рима, лежали забытые и нераспакованные въ сараѣ.

Онъ дѣлалъ по вечерамъ длинныя прогулки съ Хосефиной и медленно возвращался ночью домой, обнявъ ее за талию, любясь полосой матоваго золота на горизонтѣ и наполняя тишину равнины пѣніемъ какого-нибудь страстнаго и нѣжнаго неаполитанскаго романса. Въ этой одинокой жизни, безъ друзей и опредѣленныхъ занятій, у Реновалеса вспыхнула горячая любовь къ женѣ, какъ въ первые дни по-

слѣ свадьбы. Но «демонъ искусства» вскорѣ взмахнулъ надъ художникомъ своими невидимыми крыльями, отъ которыхъ вѣяло какимъ-то непреодолимымъ обаяніемъ. Онъ скучалъ въ жаркіе дневные часы и зѣвалъ въ своемъ тростниковомъ креслѣ, выкуривая трубку за трубкою и не зная, о чемъ говорить. Хосефина со своей стороны боролась со скукою, читая англійскіе романы съ подавляющею моралью и изображеніемъ аристократическихъ нравовъ. Она полюбила это чтеніе еще со временъ школы.

Реновалесъ снова принялся за работу. Лакей распаковалъ все необходимое, и художникъ взялся за палитру съ энтузіазмомъ новичка. Онъ писалъ для себя и по своему вкусу съ благоговѣйнымъ усердіемъ, какъ будто хотѣлъ очиститься отъ гадкаго подчиненія требованіямъ торговца втеченіе цѣлаго года.

Онъ сталъ непосредственно изучать Природу и писать очаровательные пейзажи и загорѣлыя, антипатичныя головы, дышавшія животнымъ эгоизмомъ крестьянина. Но такая работа, повидимому, не удовлетворяла его. Жизнь наединѣ съ Хосефиною возбуждала въ немъ тайное желаніе, котораго онъ не рѣшался высказать вслухъ. По утрамъ, когда жена представлялась его глазамъ почти голая, вся свѣжая и розовая отъ холоднаго обливанія, Реновалесъ пожиралъ ее глазами.

— Ахъ, если бы ты согласилась! Если бы ты бросила свои предрассудки!

Эти возгласы восторга вызывали на губахъ Хосефины улыбку. Это обожаніе льстило ея женскому тщеславію. Реновалесь жаловался, что ему приходится искать для своей работы красивые сюжеты, когда величайшая и лучшая модель находилась тутъ подлѣ него. Онъ рассказываль ей о Рубенсѣ, великомъ маэстро, окружавшемъ Елену Фроманъ царственною роскошью, а та въ свою очередь не стѣснялась обнажать свою чудную мифологическую красоту, чтобы служить мужу моделью. Реновалесь расхваливаль фламандскую даму, какъ никогда. Художники составляли особую семью; грубая мораль и предразсудки были для другихъ людей. Они жили, поклоняясь красотѣ и считая естественнымъ то, на что другіе люди смотрѣли, какъ на грѣхъ...

Хосефина пресмѣшно возмущалась желаніями мужа, но позволяла ему любоваться собою. Откровенность съ мужемъ дѣлалась въ ней все сильнѣе и сильнѣе. Вставая по утрамъ, она подолгу оставалась неодѣтою, умышленно растягивая одѣванье, а художникъ вертѣлся вокругъ нея, расхваливая со всѣхъ сторонъ красоту ея тѣла. «Это чистый Рубенсъ... это краски Тиціана... Ну-ка, дѣточка, подними руки... вотъ такъ. Ахъ, ты — Обнаженная, маленькая Обнаженная Гойи!..» А Хосефина давала ему вертѣть себя съ прелестною, довольною минкою, словно наслаждаясь выраженіемъ страстной любви и въ то же время досады на лицѣ мужа, который обладалъ ею, какъ женщиною, но не какъ моделью.

Однажды, когда вѣтеръ разносилъ свое раскаленное ды-



ханіе по римской равнинѣ, Хосефина уступила мольбамъ мужа. Они сидѣли дома полураздѣтые, плотно закрывъ окна въ надеждѣ найти спасеніе отъ ужаснаго сирокко. Хосефинѣ надоѣло слушать жалобы мужа и видѣть его грустное лицо. Разъ онъ сумасшествуетъ и упорно цѣпляется за свою прихоть, она не способна долѣе сопротивляться ему. Пусть пишетъ ея тѣло, но только въ видѣ этюда, а не цѣлую картину. Когда ему надоѣстъ воспроизводить ея тѣло на полотнѣ, онъ уничтожитъ свою работу... и все будетъ шито-крыто.

Художникъ согласился на все, стремясь только встать какъ можно скорѣе съ кистью въ рукѣ передъ очаровательнымъ обнаженнымъ тѣломъ. Три дня онъ работалъ съ безумною лихорадочностью, широко раскрывъ глаза, словно ему хотѣлось поскорѣе и поглубже воспринять гармоничныя формы тѣла. Хосефина, привыкшая уже къ наготѣ, спокойно лежала, забывъ о своемъ положеніи, съ безстыдствомъ женщины, которая колеблется только, пока не сдѣлаетъ перваго шага. Жара утомляла ее, и она безмятежно спала въ то время, какъ мужъ работалъ.

Когда картина была окончена, Хосефина не могла удержаться отъ восхищенія. «Какой ты талантливый! Но неужели я дѣйствительно... такъ красива?» Маріано былъ очень доволенъ. Эта картина была его лучшею работою; дальше онъ не могъ пойти. Можетъ-быть во всю его будущую жизнь у него не явится больше такой поразительно интенсивной дѣятельности ума — того, что называется въ общежитіи вдох-

новеніємъ. Хосефина продолжала любоваться картиною, такъ же, какъ разглядывала себя иногда по утрамъ въ боль-шомъ зеркалѣ въ спальнѣ. Она расхваливала со спокой-ною нескромностью отдѣльныя части своего красиваго тѣла, останавливаясь съ особеннымъ вниманіемъ на животъ съ нѣжными изгибами и на вызывающихъ и крѣпкихъ соскахъ, гордясь этою эмблемою молодости. Ослѣпленная красотою тѣла, она не обращала вниманія на лицо, которое не было вырисовано и терялось въ нѣжной дымкѣ. Когда же взгляды ея остановился на немъ, она почувствовала нѣкоторое разо-чарованіе.

— Это не мое лицо. Я совсѣмъ непохожа.

Художникъ улыбался. Да, это не было ея лицо; онъ по-старался измѣнить его. Это была лишь маска — необходимая уступка соціальному приличію. Въ такомъ видѣ никто не могъ узнать Хосефину, и его картина, его великое произведеніе могло увидѣть свѣтъ и завоевать восторгъ и восхищеніе все-го міра.

— Въдь, этого то мы не уничтожимъ, — продолжалъ Рено-валесъ съ легкою дрожью въ голосѣ. — Это было бы преступ-леніемъ. Я никогда въ жизни не напишу ничего подобнаго. Мы не уничтожимъ картины, неправда ли, дѣточка?

Дѣточка долго стояла молча, не сводя глазъ съ картины. Реновалесъ глядѣлъ на нее съ затаенною тревогою; на лицо Хосефины надвигалась мало-по-малу грозовая туча, подоб-но тому, какъ тѣнь распространяется по бѣлой стѣнѣ. Худож-

нику почудилось, будто онъ проваливается сквозь землю. Буря приближалась. Хосефина поблѣднѣла; двѣ слезы тихонько катились вдоль ея носика, расширившагося отъ волненія; двѣ другія заняли ихъ мѣсто въ глазахъ и тоже выкатились, а за ними полились еще и еще.

— Я не хочу! Я не хочу!

Это былъ прежній хриплый, нервный, деспотичный голосъ, который вызвалъ у него ледяной страхъ и беспокойство въ ту ночь, когда они впервые поссорились въ Римѣ. Маленькая женщина съ ненавистью глядѣла на обнаженное тѣло, отливавшее на полотнѣ ослѣпительными перламутровыми тонами. Она чувствовала себя, казалось, какъ лунатикъ, который просыпается внезапно посреди площади подъ взорами тысячъ любопытныхъ глазъ, жадно впившихся въ его наготу, и не знаетъ, что дѣлать и куда скрыться. Какъ могла она пойти на такое безстыдство?

— Я не желаю, — кричала она въ бѣшенствѣ. — Уничтожь ее, Маріано, уничтожь.

Но Маріано тоже чуть не плакалъ. Уничтожить картину? Можно-ли требовать такую нелѣпость! Лицо было совсѣмъ другое; никто же не могъ узнать Хосефину. Съ какой стати лишала она его шумнаго успѣха?.. Но жена не слушала его. Она бѣшено ворочалась на мѣхахъ и стонала, и корчилась, какъ въ ту памятную ночь, стискивая руки и дрожа, какъ умирающая овца, а изъ губъ ея, искривленныхъ отвратительною гримасою, продолжали вылетать хриплые крики:

— Я не желаю... я не желаю. Уничтожь картину.

Она жаловалась на судьбу, оскорбляя Реновалеса. Она, барышня, подвергалась такому униженію, какъ публичная дѣвка. О, если-бы она знала это впередъ!.. Какъ могла она подумать, что мужъ предложить ей такую гадость!

Оскорбленный низменными упреками, которыми рѣзкій и хриплый голосъ Хосефины осыпалъ его, забрасывая грязью его художественный талантъ, Реновалесь не подходилъ къ женѣ, предоставляя ей кататься въ бѣшенствѣ по полу, и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сжавъ кулаки, глядя въ потолокъ и бормоча себѣ подъ носъ испанскія и итальянскія ругательства, которыя были въ ходу у него въ мастерской.

Но вдругъ онъ остановился, застывъ на мѣстѣ отъ испуга и изумленія. Хосефина, въ голомъ видѣ, прыгнула на картину съ ловкостью бѣшеной кошки. Первымъ же ударомъ ногтей она прорѣзала картину сверху до низу, смѣшавъ еще не засохшія краски и сорвавъ корочку въ сухихъ мѣстахъ. Затѣмъ она схватила ножичекъ изъ ящика съ красками и трахъ... Полотно издало протяжный стонъ и раздѣлилось на двѣ части подъ напоромъ бѣлой руки, которая посинѣла, казалось, отъ неудержимой ярости.

Реновалесь не пошевелился. Возмущеніе вспыхнуло было въ немъ, у него явилось желаніе броситься на жену, но онъ упалъ, подавленный, какъ ребенокъ, желая плакать, убѣжать куда-нибудь въ уголь и спрятать свою слабую и тяжелую голову. Хосефина продолжала рвать картину, путаясь ногами

въ деревянномъ мольбертѣ, отрывая отъ холста куски, бѣгая со своею добычею назадъ и впередъ, какъ взбѣсившееся животное. Художникъ прислонился головою къ стѣнѣ, и изъ атлетической груди его вырывались трусливые стоны. Къ огорченію художника, лишившагося своей картины, присоединилась горечь разочарованія. Онъ впервые понялъ теперь, чѣмъ будетъ его существованіе. Какъ опрометчиво поступилъ онъ, женившись на барышнѣ, которая видѣла въ его искусствѣ лишь карьеру и средства къ добыванію денегъ и хотѣла заставить его примѣниться къ предразсудкамъ и традиціямъ міра, гдѣ она родилась! Онъ любилъ ее, несмотря на это, и былъ увѣренъ въ томъ, что она любила его не меньше. Но увы! можетъ-быть онъ сдѣлалъ бы лучше, оставшись одинокимъ и свободнымъ для искусства, а, если бы почувствовалъ потребность въ подругѣ жизни, то отыскалъ бы себѣ красивую, простую бабу, покорную, какъ хорошее и породистое животное; такая по крайней мѣрѣ восхищалась бы имъ, какъ маэстро, и слѣпо подчинялась бы его волѣ.

Прошло три дня. Реновалесь и Хосефина почти не разговаривали между собою, лишь украдкою поглядывая другъ на друга; оба были подавлены домашнею бурей. Но одиночество, въ которомъ они жили, и пребываніе подъ одною крышею заставили ихъ пойти другъ другу навстрѣчу. Хосефина заговорила первая, какъ будто грустное и подавленное настроеніе великана, бродившаго по квартирѣ съ видомъ больного, внушало ей страхъ. Она обняла его, поцѣловала въ

любовь и пустила в ход всевозможные ласки, чтобы вызвать на его лице слабую улыбку. Кто любит его? Его Хосефина, его... обнаженная. Но... наготы быть положены теперь конец. Он должен быть забыть свои отвратительные желанія навсегда. Приличный художник не думает о подобных вещах. Что сказали бы его многочисленные друзья? В мире столько прекрасных сюжетов для картин. Они могут отлично жить дальше в мире и любви, если он не будет дѣлать ей непріятности своею неприличною манією. Эта страсть къ наготѣ была просто постыднымъ пережиткомъ временъ его богемы.

Побѣжденный ласками жены, Реновалесъ помирился съ нею, постарался забыть о своей картинѣ и улыбнулся съ покорностью раба, который любитъ свои цѣпи, потому что онѣ обезпечиваютъ ему жизнь и покой.

Съ наступленіемъ осени они переѣхали в Римъ. Реновалесъ снова принялся работать для своего антрепренера, но тотъ выразилъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ недовольство его работою. Не то, чтобы сеньоръ Маріано исписался, это нѣтъ. Но корреспонденты антрепренера жаловались на нѣкоторое однообразіе въ его сюжетахъ. Торговецъ посовѣтовалъ ему поѣхать путешествовать. Онъ могъ прожить зиму въ Умбріи и писать старыя церкви или крестьянъ на фонѣ суровыхъ пейзажей. А лучше всего сдѣлать-бы онъ, если-бы уѣхалъ въ Венецію. Какія великія вещи могъ-бы создать сеньоръ Маріано у венеціанскихъ каналовъ. И такимъ образомъ за-

родился у художника планъ покинуть Римъ.

Хосефина безпрекословно подчинилась его желанію. Ежедневные выѣзды и визиты въ безчксленное множество посольствъ начали надоѣдать ей. Какъ только сгладилось первое пріятное впечатлѣніе, Хосефина замѣтила, что важныя дамы относятся къ ней съ обидною снисходительностью, какъ будто она спустилась чиномъ ниже, выйдя замужъ за художника. Кромѣ того посольская молодежь, атташе всевозможныхъ расъ, блондины и брюнеты — все холостяки, искавшіе развлеченій въ предѣлахъ міра дипломатіи — позволяли себѣ съ нею дерзости во время тура вальса или фигуры котильона, какъ будто считали ее доступною изъ-за ея брака съ художникомъ, который не могъ блистать въ салонахъ парадною формою. Они дѣлали Хосефинѣ циничныя предложенія на англійскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, а она, бѣдная, должна была только сдерживаться вмѣсто отвѣта, улыбаясь и кусая губы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Реновалеса, который не понималъ ни слова на иностранныхъ языкахъ и былъ доволенъ вниманіемъ къ женѣ со стороны свѣтской молодежи, изящнымъ манерамъ которой онъ старался подражать.

Переѣздъ въ Венецію былъ рѣшенъ. Другъ Котонеръ распрощался съ ними. Ему было очень жаль разставаться съ молодою четою, но его мѣсто было въ Римѣ. Папа чувствовалъ себя какъ разъ очень плохо въ эти дни, и, въ надеждѣ на его смерть, Котонеръ готовилъ портреты всѣхъ размѣровъ, стараясь отгадать, кто будетъ преемникомъ больного.

Перебирая в послѣдствіи событія своей жизни, Реновалесъ вспоминалъ всегда съ наслажденіемъ и тихою тоскою о времени, прожитомъ въ Венеціи. Это былъ лучшій періодъ его жизни. Прелестный городъ на лагунахъ, окутанный золотымъ свѣтомъ среди трепещущихъ водъ, очаровалъ его съ первой же минуты, заставивъ забыть страстную любовь къ человѣческому тѣлу. Восхищеніе наготою улеглось на нѣкоторое время. Онъ влюбился въ старые дворцы, одинокіе каналы, лагуны съ зеленою и неподвижною водою и въ духъ славнаго прошлаго, который виталъ, казалось, надъ величественною стариною мертваго, но вѣчно улыбающагося города.

Супруги поселились во дворцѣ Фоскарини, огромномъ красномъ домѣ съ подоконниками изъ бѣлаго камня; дворецъ этотъ выходилъ на узенькій водяной переулокъ вблизи Большого канала. Въ прежнія времена тутъ жили торговцы, мореплаватели и военный людъ съ острововъ Востока. Но практичный и непочтительный духъ современности преобразилъ дворецъ въ доходный домъ, раздѣливъ золоченые салоны гадкими, некрасивыми перегородками, устроивъ кухни въ филиграновыхъ аркадахъ роскошнаго двора, наполнивъ сохнувшимъ бѣльемъ мраморныя галлерей, которымъ вѣка придали янтарную прозрачность старинной слоновой кости, и замѣнивъ простыми плитками старый испорченный полъ изъ чудной мозаики.

Реновалесъ съ женою заняли квартиру, которая была бли-



же всѣхъ къ Большому Каналу. Каждое утро Хосефина видѣла съ балкона, какъ подплываетъ за ея мужемъ тихая и быстрая гондола. Гондольеръ, привыкшій возить художниковъ, громко звалъ *signor pittore*, и Реновалесъ спускался внизъ, неся подъ мышкой ящикъ съ акварельными красками. Лодка немедленно уплывала по извилистымъ и узкимъ каналамъ, покачивая вправо и влево своимъ серебристымъ гребнемъ, словно она обнюхивала путь. Какіе чудные, безмятежно-тихіе часы проводилъ Реновалесъ въ сонныхъ водахъ узкаго канала между двумя высокими дворцами съ нависающими крышами, державшими каналъ въ вѣчномъ мракѣ! Гондольеръ дремалъ, растянувшись на одномъ изъ загнутыхъ кверху концовъ лодки, а Реновалесъ писалъ, сидя, венеціанскія акварели – новый жанръ, который былъ встрѣченъ римскимъ антрепренеромъ съ большимъ восторгомъ. Легкая кисть Реновалеса производила эти картины съ такою быстротою, точно это были механическіе отпечатки. Въ водяномъ лабиринтѣ Венеціи имѣлся одинъ каналъ, который Реновалесъ называлъ своимъ «доходнымъ имѣніемъ» за то, что тотъ приносилъ ему кучу денегъ. Онъ написалъ безчисленное множество картинъ съ мертвыхъ и безмолвныхъ водъ этого канала, слегка оживлявшихся лишь разъ въ день подъ его тихою гондолою. Тутъ были два старыхъ дворца со сломанными жалюзи, съ мрачными дверьми, покрытыми налетомъ вѣковъ, съ лѣстницами, изъѣденными зеленою плѣсенью; въ глубинѣ ярко свѣтился низенькій сводъ, мраморный

мость, а подъ нимъ жизнь, движеніе, солнце на широкомъ, оживленномъ каналѣ. Заброшенная водяная улочка воскресала вновь каждое утро подъ кистью Реновалеса. Онъ былъ въ состояніи написать ее съ закрытыми глазами, а торговая предприимчивость римскаго еврея распространяла ее по всему міру. Вечера Маріано проводилъ съ женою. Иногда они ѣздили въ гондолѣ на Лидо и, сидя на песчаномъ берегу, любовались сердитыми волнами широкой Адриатики; водное пространство было покрыто до самаго горизонта бурною пѣною, похожею на стадо бѣлоснѣжныхъ барановъ, которые мчатся впередъ въ паническомъ страхѣ.

Въ другіе вечера они ходили гулять на площадь Святого Марка, подъ аркады дворцовъ, окружающихъ площадь съ трехъ стороиъ, а въ глубинѣ ея сверкало подъ послѣдними лучами солнца блѣдное золото базилики, въ стѣнахъ и куполахъ которой кристаллизировалось, казалось, все богатство древней Республики.

Реновалесь выступалъ подъ руку съ женою спокойною и мѣрною походкою, какъ будто величественная красота мѣста внушала ему великосвѣтскую чопорность. Суровая тишина не нарушалась здѣсь оглушительною суетою большихъ городовъ. Здѣсь не было слышно ни стука колесъ, ни топота лошадей, ни криковъ разносчиковъ. Площадь, вымощенная бѣлымъ мраморомъ, представляла собою огромный салонъ, гдѣ пѣшеходы чувствовали себя, какъ дома въ гостиной. Венеціанскіе музыканты собирались на срединѣ площади въ

треуголкахъ съ черными развѣвающимися перьями. Отъ рева Вагнеровской музыки въ бѣшенѣмъ полетѣ валкирій содрогались, казалось, мраморныя колонны и оживлялись на карнизѣ собора Святого Марка четыре золоченыхъ лошади, поднявшіяся на дыбы надъ пустымъ пространствомъ.

Венеціанскіе голуби съ темными перьями слегка пугались музыки и разлетались, плавными кругами, покрывая столики кафе. Затѣмъ они снова улетали, и крыши дворцовъ чернѣли отъ нихъ, потомъ опускались, точно покровъ съ металлическими переливами, на толпы англичанокъ въ маленькихъ круглыхъ шляпахъ съ зелеными вуалями, звавшихъ ихъ, чтобы покормить крупую.

Хосефина бросала мужа съ чисто дѣтскою радостью и покупала турикъ зерна, разбрасывая его маленькими ручками въ перчаткахъ. Дѣтищи Святого Марка окружали ее, сажались, порхая, словно фантастическія химеры на цвѣты ея шляпы, прыгали ей на плечи, выстраивались на протянутыхъ рукахъ, цѣпляясь въ отчаяніи за ея узкіе бока, стараясь обойти вокругъ таліи, а нѣкоторыя, наиболѣе дерзкія, какъ бы одержимыя человѣческою испорченностью, царапали ей грудь и поднимали клювъ, пытаясь приласкать черезъ вуаль ея свѣжія полуоткрытыя губки. Хосефина смѣялась, такъ какъ живое, окутавшее ея тѣло облако щекотало ее. Мужъ любовался ею, тоже смѣясь, и кричалъ ей по-испански въ увѣренности, что никто не поймежь его словъ.

— Но какая ты красавица!.. Я охотно написалъ бы съ тебя

картину въ такомъ видѣ!.. Если бы не народъ, я расцѣловаль бы тебя!..

Въ Венеціи протекло лучшее время ихъ совмѣстной жизни. Хосефина спокойно сидѣла дома въ то время, когда мужъ писалъ съ гондолы уголки города. Она весело прощалась съ мужемъ по утрамъ, и никакія тяжелыя мысли не нарушали ея мира и спокойствія. Вотъ эта была настоящая живопись, а вовсе не работа въ римской мастерской съ глазу на глазъ съ безстыжими бабами, которымъ не было совѣстно валяться голыми на мѣху. Хосефина любила мужа новою пылкою любовью и окружала его непрерывными ласками. Въ это время родилась у нихъ дочь — единственный плодъ ихъ брака.

Когда величественная донья Эмилиа узнала, что сдѣлается бубушкою, она не могла дольше оставаться въ Мадридѣ. Ея бѣдная Хосефина была одна въ чужомъ городѣ, предоставленная заботамъ мужа — добраго малаго и, судя по общественному мнѣнію, талантливаго художника, но въ сущности довольно простоватаго человѣка!.. Она явилась въ Венецію на счетъ зятя, и пробыла тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, ругательски ругая городъ, куда дипломатическая карьера мужа никогда не забрасывала ее. Важная дама полагала, что люди могутъ жить только въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть дворъ и посольства. Фу!.. Венеція! Мѣщанское населеніе, которое нравится только разнымъ романистамъ и художникамъ, размалевывающимъ вѣра! Городъ, гдѣ есть только консулы! Доньѣ Эмилии нравился Римъ съ папскимъ и королевскимъ дворомъ.

Кромѣ того ее тошнило отъ качки въ гондолѣ, и она жаловалась на постоянный ревматизмъ, который приписывала сырости лагунъ.

Реновалесь, дрожавшій за жизнь Хосефины изъ опасенія, что ея слабый и нѣжный организмъ не вынесетъ акта материнства, съ шумною радостью привѣтствовалъ малютку и нѣжно поглядѣлъ на мать, голова которой неподвижно покоилась на подушкѣ. Лицо Хосефины было блѣдно, какъ бѣлая наволочка; Реновалесь съ тревогою глядѣлъ на ея блѣдныя черты, измученныя страданіями и постепенно прояснявшіяся отъ отдыха. Бѣдняжка! Какъ она намучилась! Но выйдя на цыпочкахъ изъ спальни, чтобы не наружить тяжелаго сна больной, заснувшей послѣ жестокой двухдневной пытки, Реновалесь отдался своему восторгу передъ маленькимъ кусочкомъ мяса, завернутымъ въ тонкія пеленки, который покоился на крупныхъ и дряблыхъ рукахъ бабушки. О, прелестное созданіе! Онъ любовался маленькимъ краснымъ личикомъ и большою, лысою головкой, ища въ этомъ несформировавшемся существѣ какое-нибудь сходство съ собою. Онъ не зналъ толку въ такихъ вещахъ. Этотъ ребенокъ былъ первымъ, родившимся на его глазахъ. «Мама, на кого она похожа?»

Донья Эмилиа удивлялась его слѣпотѣ. На кого же можетъ-быть похожа дѣвочка? На него, только на него. Она была очень крупна. Донѣ Эмилии рѣдко приходилось видѣть такихъ крупныхъ дѣтей. Ей даже не вѣрилось, что бѣдная

Хосефина осталась жива, произведя на свѣтъ такое огромное существо. Нельзя было пожаловаться на болѣзненность дѣвочки; цвѣтомъ лица она походила на деревенскаго ребенка.

— Видно, что она изъ рода Реновалесъ. Она твоя, Маріано, цѣликомъ твоя. Мы принадлежимъ къ другому классу людей.

Не обращая вниманія на слова мамы, Реновалесъ видѣлъ только, что дочка была похожа на него, и пришелъ въ восторгъ отъ ея крѣпкаго тѣлосложенія, громко и радостно расхваливая здоровье дѣвочки, о которомъ бабушка говорила съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

Тщетно пытался онъ вмѣстѣ съ доньей Эмилией отговорить Хосефину отъ намѣренія самой кормить малютку. Несмотря на слабость, не позволявшую ей встать съ постели, маленькая женщина расплакалась и раскричалась почти такъ же, какъ въ памятную ночь, когда она такъ сильно напугала Реновалеса.

— Я не хочу, — возразила она съ упорствомъ, дѣлавшимъ ее страшною для мужа. — Я не желаю чужого молока для моей дочери. Я сама... мать... выкормлю ее.

Пришлось уступить ей и предоставить ребенку наброситься съ чудовишною жадностью на грудь Хосефины, которая была теперь вздута отъ молока и столько разъ прельщала прежде художника своею дѣвственною прелестью.

Когда Хосефина оправилась немного, мать уѣхала въ

Мадридъ, считая свою миссію оконченною. Ей было скучно въ этомъ тихомъ городѣ; по ночамъ ей чудилось, что она умерла, потому что съ улицы не слышно было ни малѣйшаго шума. Эта кладбищенская тишина, лишь изрѣдка нарушаемая криками гондольеровъ, пугала ее. У нея не было знакомыхъ, она не блистала въ свѣтѣ, не играла никакой роли въ этой лужѣ, никто не зналъ ея тутъ. Она постоянно вспоминала своихъ знаменитыхъ подругъ въ Мадридѣ, гдѣ она считала себя важною персоною. Въ душѣ ея глубоко запечатлѣлись скромныя крестины внучки, несмотря на то, что дѣвочку называли ея именемъ. Жалкій кортежъ помѣстился въ двухъ гондолахъ и состоялъ изъ нея самой — крестной матери, изъ крестнаго отца — одного стараго венеціанскаго художника, пріятеля Реновалеса, и еще двухъ художниковъ — француза и испанца. На крестинахъ не присутствовалъ ни патріархъ Венеціи, ни хотя бы епископъ (а она знала столько епископовъ у себя на родинѣ!). Какой-то простой священникъ обратилъ внучку знаменитаго дипломата въ христіанство съ позорною быстротою въ маленькой церкви, въ полумракѣ сумерекъ. Донья Эмилиа уѣхала домой, повторивъ, что Хосефина губить себя, что это форменное безуміе кормить ребенка при ея слабомъ здоровьѣ, и было бы гораздо полезнѣе взять примѣръ съ матери, которая поручала всѣхъ своихъ дѣтей мамкамъ.

Хосефина много плакала, разставаясь съ мамашей; Реновалесъ же проводилъ ее съ плохо скрываемою радостью.

Счастливаго пути! Онъ съ трудомъ выносилъ старую сеньору, которая считала себя вѣчно обиженною, глядя, какъ зять работаетъ, чтобы окружить жену комфортомъ. Онъ соглашался съ тещею только, когда они вмѣстѣ нѣжно бранили Хосефину за упорное желаніе кормить дѣвочку самой. Бѣдная обнаженная! Обаяніе ея прелестнаго тѣла исчезало въ пышномъ разцвѣтѣ материнства. Ноги, вспухшія во время беременности, утратили свои прежнія линіи, а окрѣпшія и пополнѣвшія груди лишились очаровательнаго сходства съ нераспустившимися бутонами магнолій.

Хосефина выглядѣла теперь здоровѣе и крѣпче, но на самомъ дѣлѣ ея полнота сопровождалась малокровною дряблостью тѣла. Видя, какъ она дурнѣетъ, мужъ любилъ ее все больше съ нѣжнымъ состраданіемъ. Бѣдняжка! Какая она добрая! Жертвуетъ собою ради дочери!..

Когда дѣвочкѣ минулъ годъ, въ жизни Реновалеса произошелъ рѣшительный переворотъ. Желая «окупиться въ истинное искусство» и узнать, что творилось внѣ темницы, гдѣ онъ томился, работая сдѣльно съ картины, онъ оставилъ Хосефину въ Венеціи и съѣздилъ ненадолго въ Парижъ посмотрѣть знаменитый Салонъ. Изъ Парижа онъ вернулся, совершенно преобразившійся, съ лихорадочною потребностью обновить свой трудъ и передѣлать жизнь заново, что очень удивило и испугало жену. Онъ рѣшилъ навсегда порвать сношенія съ антрепренеромъ, не желая унижаться долѣе этимъ фальшивымъ искусствомъ, хотя бы ему пришлось просить мило-



стыню. Много хорошаго творилось въ мірѣ, и онъ чувствовалъ себя достаточно талантливымъ, чтобы быть новаторомъ, слѣдую примѣру современныхъ художниковъ, производившихъ на него въ Парижѣ такое глубокое впечатлѣніе.

Онъ ненавидѣлъ теперь старую Италію, куда съѣзжались для ученія художники, посылаемые невѣжественными правительствами.

На дѣлѣ эти художники не учились въ Италіи, а находили тамъ рынокъ съ соблазнительнымъ спросомъ на ихъ трудъ и быстро привыкали къ обилію заказовъ, пріятной жизни и легкому заработку безъ всякой инициативы съ ихъ стороны. Реновалесу хотѣлось переселиться въ Парижъ. Но Хосефина, молча выслушивавшая розовыя мечты Реновалеса, которыя были большею частью непонятны ей, измѣнила этотъ планъ своими совѣтами. Ей тоже хотѣлось уѣхать изъ Венеціи, навѣвавшей на нее зимою тоску непрерывнымъ дождемъ, отъ котораго мосты дѣлались скользкими и мраморныя улочки непроходимыми. Но если они рѣшили уѣхать изъ Венеціи, то почему бы не поселиться въ Мадридѣ? Мамаша была больна и жаловалась въ каждомъ письмѣ, что ей тяжело жить вдали отъ дочери. Хосефина жаждала повидаться съ матерью, предвидя ея скорую смерть. Реновалесъ серьезно обдумалъ желаніе жены; ему тоже хотѣлось вернуться въ Испанію. Онъ стосковался по родинѣ и понималъ, что подниметъ тамъ большой шумъ, проводя въ искусствѣ свои новые идеалы среди общей рутины. Желаніе привести въ ужа-

съ академиковъ, признавшихъ за нимъ талантъ только за отказъ отъ юношескихъ идеаловъ, сильно искушало его.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.